

Инсургенты пустились странствовать по краю, подбивая и приглашая всѣхъ примкнуть къ нимъ. Они нигдѣ не встрѣчали препятствія вслѣдствіе отсутствія войскъ, и силы ихъ росли съ каждымъ днемъ. Къ Сабанскимъ присталъ помѣщикъ Ржевускій. Кромѣ того, ушницкій предводитель дворянства, Степниковскій, съ собранною имъ партіею открыто присоединился къ возстанію и направился на м. Ободовку. Противъ этой банды Ротъ форсированнымъ маршемъ направилъ къ Ольгополю Харьковскій полкъ съ 4-мя конными орудіями, баталіонъ егерей съ 2-мя орудіями и 100 казаковъ. Этотъ отрядъ, соединясь съ отрядомъ Г.-Л. Соболевскаго, разсѣялъ шайку и взялъ въ плѣнъ Степниковскаго ¹⁾.

Между тѣмъ шайки Сабанскихъ и другихъ собрались въ м. Красноскѣ, на Бугѣ; къ этому времени силы поляковъ возросли до тысячи всадниковъ и 200 пѣхотинцевъ съ 3-мя орудіями. Такъ какъ въ возстаніи на Подоліи принималъ участіе народъ зажиточный—дворяне и шляхта (крестьяне оставались вѣрными присягѣ), то всѣ повстанцы сѣдѣли на отличныхъ лошадяхъ и были хорошо вооружены. Кромѣ сабель и пистолетовъ, у нихъ были еще пики съ флюгерами бѣлаго и малиноваго цвѣтовъ (національные); на нихъ польскіе рыцари писали обыкновенно имена своихъ дамъ сердца. Начальникомъ возстанія былъ избранъ 80-ти лѣтній старецъ Колышко, уже разъ подвизавшійся на Подоліи въ роли повстанскаго вождя во времена еще Косцюшки. Инсургенты присягнули на вѣрность «будущему»—мнѣстечковому королю Польши, а своего Колышко наименовали *«Главкомадующимъ дѣйствующимъ на югъ польскихъ войскъ»*. 29 апрѣля въ плѣнъ кн. Чарторыйскаго къ нимъ присоединились еще другія банды, отъ чего силы, конны располагалъ маститый главнокомандующій, возросли до 5 тысячъ человекъ хорошей легкой кавалеріи и 700—пѣхоты при 7-ми орудіяхъ.

¹⁾ Ibidem.

До 2-го мая повстанцы шировали, провозглашали «виваты» за будущаго короля, главнокомандующаго, Рѣчь Посполитую и свой особенно любимый тостъ «kochajmy sie», но не принимали ровно никакихъ предосторожностей. Имъ не было даже извѣстно о томъ, что Г. Ротъ съ полками уже былъ недалеко. На разсвѣтъ 2-го мая поляки пошли къ м. Дашеву (Кіевской губ., на р. Содѣ, по дорогѣ изъ Липовца въ Умань). Мѣстечко это повстанцы хотѣли сдѣлать центромъ своихъ «операцій». Отсюда предприимчивый Колышко мечталъ даже завоевать Кіевъ.

Между тѣмъ, Г. Ротъ, прибывъ въ Каменецъ-Подольскъ форсированнымъ маршемъ и, собравъ свѣдѣнія о повстанцахъ, двинулъ свои силы на нихъ. Самъ онъ съ Харьковскимъ и Одесскимъ уланскими полками, 2 баталіонами и нѣсколькими орудіями, переправясь чрезъ Бугъ у Ладыжина, направился въ плѣнъ Сабанскихъ. Тамъ онъ узналъ о направленіи, принятомъ инсургентами, и, сдѣлавъ усиленный маршъ, прибылъ къ ночи въ г. Гайсинъ съ одними только Харьковцами. Остальныя части его отряда сильно отстали и пришли въ Гайсинъ лишь къ 6-ти часамъ утра 2 мая. Къ Роту присоединился Г.-Л. Рейтернъ, пришедшій съ поселенною Бугскою уланскою дивизією.

Давъ отдохнуть своимъ измученнымъ войскамъ не болѣе 2 часовъ, Ротъ, отправивъ Г.-М. Соболевскаго занять Граповъ, самъ съ отрядомъ (уланскіе полки Харьковскій, Вознесенскій (6 эскадроновъ) и Одесскій (6—), 4 орудія) направился чрезъ д. Кисмякъ на д. Семеричку, чтобы помѣшати мятежникамъ прорваться на Волынь. О томъ, что Ротъ находился отъ нихъ такъ близко, поляки ровно ничего не знали и слѣдовавшія за ними войска принимали за дивизію Рейтерна, но по ея малочисленности не боялись и, слѣдуя спокойно къ Дашеву, прибыли туда къ 10 часамъ утра. Арміергарды ихъ (3 эскадрона), подъ начальствомъ Побѣдинскаго, находился въ 6 верстахъ у с. Городокъ, наблюдая за боль-

пою Киевской дорогою. Ротъ спѣшилъ, на сколько позволяло утомленіе его отряда. Въ головѣ шелъ дивизіонъ Одесскихъ уланъ, за нимъ въ разстояніи 1 1/2 версты Ротъ съ остальными 4 эскадронами Одесцевъ и 2 конными орудіями, а нѣсколько позади Харьковцы и Вознесенцы и остальные орудія. Въ 2 часа авангардъ нашихъ войскъ подошелъ къ Городку. За нимъ на возвышенности, въ сторонѣ Дашева видно было, что мятежники въ прекрасномъ порядкѣ, въ числѣ не менѣе 5 тысячъ конныхъ, «съ должною регулярностью» начали строить боевой порядокъ. При выходѣ изъ тѣснаго м. Городка нашъ авангардъ былъ атакованъ поляками и отброшенъ назадъ. Но подошлѣ Ротъ, орудія открыли огонь и тѣмъ задержали натискъ инсургентовъ, а Одесскіе уланы, пройдя Городокъ, отбросили передовой отрядъ поляковъ назадъ. Онъ отступилъ на главныя свои силы, стоявшія на лѣвой сторонѣ большой дороги, идущей вдоль границы Киевской губ. Между тѣмъ сзади шедшіе полки, Харьковскій и Вознесенскій, усиленную рысью спѣшили впередъ. Пройдя Городокъ, Харьковскій полкъ пошелъ на нашъ лѣвый флангъ, бывший противъ сомкнутой колонны инсургентовъ и ихъ орудій. Артиллерія обѣихъ сторонъ начала перестрѣлку; а тѣмъ временемъ Харьковцы, быстро развернувшись, не медля, пошли на непріятеля; ихъ Ротъ лично повелъ въ атаку. Стройно и стремительно бросились они на поляковъ, но послѣдніе съ немалымъ мужествомъ встрѣтили ихъ. Однако атака нашихъ уланъ велась съ такою быстротою, что силою одного удара инсургенты были опрокинуты. Полкъ Харьковскій захватилъ при этомъ 4 орудія ¹⁾. Озлобленіе уланъ было настолько сильно, что они никому не давали пощады, и болѣе 500 поляковъ ²⁾ нашли смерть, павъ подъ ударами сабель ожесточенныхъ Харьковцевъ, которые видѣли въ непріятель лишь мятежниковъ, нарушившихъ покой страны и заставив-

¹⁾ Воен. Учен. арх. II, № 3147.

²⁾ Ibidem.

шихъ ихъ съ одной войны перейти на другую. Равный этому успѣхъ былъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ докладѣ своемъ, описывая этотъ моментъ боя, Ротъ говоритъ: «тогда начался рядъ блестящихъ и счастливыхъ атакъ, въ которыхъ особенно отличился Харьковскій полкъ» ¹⁾.

Поляки поспѣшно отступили къ Дашеву. Артиллерія наша громила ихъ, а уланы, преслѣдуя по пятамъ, частыми атаками своими довершали ихъ пораженіе. Была уже почти ночь, но наши орудія продолжали дѣйствовать по инсургентамъ, остановившимся около селенія у самой покатости крутой лощины. Въ это время отъ нихъ отдѣлилась небольшая колонна и, въ порядкѣ поворотивъ назадъ, стремительно и неожиданно бросились на наши два орудія, кои неминуемо были бы взяты, если бы прикрывавшія ихъ эскадроны Харьковцевъ, соперничая съ поляками въ быстротѣ и мужествѣ, не помѣтѣлъ на встрѣчу. Съ фланга-же и тыла ударили на нихъ 2 эскадрона Вознесенцевъ. Поляки и наши уланы слѣшались въ одну общую кучу, надъ которой только поднимались и спускались руки, отчаянно работая саблями. Но скоро человекъ сто, спасаясь отъ гибели, вырвались изъ нея и пробившись чрезъ нашу первую линію, чтобы попасть подъ ударъ Вознесенскихъ уланъ; и небольшая линія горсть, не болѣе 30 человекъ, успѣла уйти. Пронесся чрезъ м. Китай-Городъ, около 6-ти верстъ отъ мѣста побоища, она, по разсказамъ жителей, въ ужаснѣйшемъ страхѣ скрылась въ лѣсахъ. Отрядъ храбровъ, сдѣлавшій на насъ послѣднее нападеніе, состоялъ изъ начальниковъ бандъ и изъ дворянъ, сидѣвшихъ на превосходнѣйшихъ лошадяхъ. Они проявили отчаянное мужество, достойное лучшей участи. Что они, новички въ военномъ дѣлѣ, могли подѣлать съ неопытными воинами, служившими во фронтѣ по десяткамъ лѣтъ! Между поляками были Ржевускіе и Сабанскіе. Послѣдніе среди храбрости, оказанной всѣми, выдѣлились своею храбростію. Этимъ крова-

¹⁾ Смѣть, т. II, ст. 415. Донесеніе Рота о дѣлѣ у Дашева.

вымъ эпизодомъ закончился день, и необычайная темная ночь покрыла своимъ мракомъ поле сраженія. Въ кровопролитной этой битвѣ инсургенты были уничтожены, и возстанію въ Подоліи положенъ конецъ. Болѣе 1200 поляковъ остались на мѣстѣ убитыми и болѣе 300 изъ нихъ были одѣты въ тонкіе фраки—все это были молодые люди, представители именитаго дворянства. Большая часть изъ нихъ находилась въ той кучкѣ храбрецовъ, которую постигла такая печальная участь и гдѣ Сабанскіе своими головами заплатили за увлеченіе другихъ на гибельный путь мятежа.

По заявленію Рота, всѣ войска наши отличились въ этомъ дѣлѣ мужествомъ и храбростью, но пальму первенства онъ отдаетъ сначала Харьковцамъ, потомъ Вознесенцамъ ¹⁾.

Ранено у непріятели было, вѣроятно, очень много, въ плѣнъ-же было взято только 97 человекъ. У насъ убито: 1 офицеръ и 23 нижнихъ чина; ранено: 8 офицеровъ и 65 нижнихъ чиновъ. Харьковскій полкъ потерялъ убитыми 1 унтеръ-офицера и 14 рядовыхъ; слѣдовательно большая половина всей нашей потери припала на его долю, тѣмъ болѣе, что онъ состоялъ лишь изъ 4-хъ эскадроновъ, тогда какъ другіе кавалерійскіе полки были изъ 6-ти. Изъ числа также всѣхъ раненыхъ офицеровъ большая половина припала опять таки на долю Харьковскихъ—было ранено 5 человекъ; число раненыхъ нижнихъ чиновъ неизвѣстно. Ротмистръ Кярикъ былъ раненъ ружейною пулей въ плечо; корнетъ: Стефанскій—саблею два раза въ голову и пикою въ спину и руку, Мусатовъ—пикою въ правую руку насквозь, Фіантъ—контузія въ ногу, Можаровскій—пулею въ правую щеку на вылетъ—онъ отличился въ этомъ дѣлѣ особенною храбростью и былъ награжденъ золотою саблею. Отличился Вахмистръ Иванъ Сырцовъ и фаненъ-юнкеръ Мѣшковскій, раненый пулею въ лобъ,—оба были произведены въ корнеты ²⁾. 6 ниж-

¹⁾ В. Уч. арх. II, № 3147.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

нихъ чиновъ полка за оказанное мужество были награждены Знаками Отличія Военнаго Ордена; всѣхъ отличившихся нижнихъ чиновъ при Дашевѣ показано, собственно, 21, но 15 изъ нихъ были награждены георгиевскими крестами нѣсколько позже.

У Ржевускаго была отнята великолѣпнѣйшая сабля; ее Ротъ подарилъ Полковнику Беклемишеву, благодаря его за отличнѣйшій порядокъ и высокій духъ, проявленный Харьковцами въ этомъ дѣлѣ ¹⁾.

Темнота ночи не позволила вести дальнѣйшее преслѣдованіе непріятели, который бѣжалъ въ м. Линзы. Ротъ расположился на ночь въ м. Дашевѣ, гдѣ помѣстился также и Харьковскій полкъ—остальные расположились на бивакѣ позади его. Ротъ простоялъ на мѣстѣ нѣсколько дней въ бездѣйствіи; разъѣзды ловили только отдѣльно бродившихъ повстанцевъ. Мелкія банды ретировались всюду, стараясь обратиться на Волинь. Настигая инсургентовъ, наши войска имѣли съ ними небольшія дѣла, въ коихъ мятежники всегда были биты.

6-го мая на г. Летичевъ напала шайка инсургентовъ, состоявшая изъ 200 хорошо вооруженныхъ всадниковъ и 100 человекъ пѣхоты подъ начальствомъ Поручика Нагорнишевскаго. Его банда возникла въ Летичевскомъ уѣздѣ и дѣйствовала самостоятельно. Въ городъ наканунѣ нападенія пришелъ Майоръ Харьковскаго полка Сечинскій съ командою квартиреровъ, а въ ночь прибыла и партія рекрутъ, о чемъ не знали инсургенты. Кромѣ того, въ городѣ было еще 50 человекъ инвалидной команды. Располагая этими маленькими силами, Сечинскій, принявъ начальство, какъ старшій, отбилъ нападеніе инсургентовъ и спасъ уѣздное казначейство, завладѣть которымъ повстанцы изъявляли особенное желаніе. Но, не смотря на численный перевѣсъ, ихъ прогнали отъ города. Сечинскій награжденъ былъ послѣ за распорядитель-

¹⁾ Его форм. списокъ.

ность орденомъ Св. Анны 3-й степени ¹⁾. Чрезъ нѣсколько дней этотъ Нагорининевскій, укреплённый присоединившимся къ нему 150 всадниками, сдѣлалъ нападеніе на Баръ и завладѣлъ имъ.

11-го мая произошло дѣло при д. Майданѣ (Летичевского уѣзда), гдѣ Г. Шереметьевъ, въ отрядѣ котораго находился Харьковскій полкъ, догналъ инсургентовъ и въ упорной схваткѣ нанесъ имъ полное пораженіе, послѣ чего они перешли австрійскую границу, гдѣ и были обезоружены. Въ дѣлѣ этомъ Харьковцы снова отличились—15 нижнихъ чиновъ были награждены георгіевскими крестами, при чемъ имъ, главнымъ образомъ, засчитались отличія, оказанныя при Дашевѣ. Въ день столкновенія при Майданѣ, который былъ концомъ возстанія въ этомъ краѣ, на другомъ театрѣ войны произошло сраженіе при г. Остроленкѣ.

Полкъ оставался въ Подольской губ. до послѣднихъ чиселъ іюля, наблюдая за тишиной и спокойствіемъ въ краѣ. Послѣ того онъ направился къ г. Брестъ-Литовску, гдѣ 26 іюля перешелъ чрезъ Бугъ и форсированнымъ маршемъ пошелъ въ Царство Польское. Полкъ вошелъ въ составъ отряда Г. Розена и находился въ авангардѣ во время преслѣдованія отдѣльнаго корпуса польскихъ войскъ подъ начальствомъ Г. Ромарино. 3 и 4 сентября происходили стычки съ поляками, и полкъ въ эти оба дня потерялъ убитыми отъ огня 2 рядовыхъ и 20 лошадей; ранено было 2 улана ²⁾. Послѣ этихъ дѣлъ у Ополя и Рахова, Ромарино перешелъ границу и сдѣлся австрійцемъ. Далѣе полкъ участвовалъ въ преслѣдованіи отряда Рожицкаго подъ начальствомъ Г. Ридгера. Преслѣдованіе велось быстро и энергично; незначительныя стычки съ поляками происходили часто. Въ одной изъ нихъ, 12-го сентября у м. Скольбержѣ, Харьковцы потеряли убитыми 1 улана и 10 лошадей ³⁾. Рожицкій отступилъ къ

¹⁾ Его формул. спис.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

³⁾ Ibidem.

Кракову. Хотя этотъ городъ съ небольшою территоріею и считался вольнымъ (по конгрессу 1815 года), но такъ какъ онъ нарушилъ нейтралитетъ и служилъ военнымъ депо для варшавскаго революціоннаго правительства, то наши войска послѣдовали за Рожицкимъ и туда. Харьковскій полкъ не дошелъ до Кракова только 28 верстъ и былъ вернуть назадъ, когда Рожицкій перешелъ въ Австрію и былъ тамъ обезоруженъ.

Возстаніе было подавлено. Скоро пали крѣпости Модлинъ и Замостье, находившіеся еще въ рукахъ поляковъ.

17 сентября полкъ пошелъ обратно въ предѣлы Имперіи. На зимнія квартиры онъ сталъ въ м. Корець, Волинской губ., занявъ подъ свое расположеніе еще 4 деревни.

Во всей этой послѣдней польской войнѣ Харьковскій полкъ потерялъ 18 человѣкъ убитыми и заслужилъ 44 георгіевскихъ креста. Въ память подавленія польскаго возстанія были пожалованы кресты, носившіе названіе «польскій знакъ отличія за военныя достоинства».

Глава XXIII.

Положеніе 21 марта 1833 года о переформированіи кавалеріи.—Эскадроны Татарскаго уланскаго полка.—Полковникъ Беклемишевъ.—Его судьба.—Перемены стоянокъ.—Сборъ войскъ подъ Вородиною, открытіе памятника, мапверъ 29 августа 1839 г.—Слѣны командировъ.—Переходъ изъ Малороссіи.—Тревожное время.—Походъ въ Венгрію.—Холера.—Дѣло подъ г. Вайценомъ.—Дѣйствіе 3-го дивизіона.—Сидѣніе въ кукурузѣ подъ г. Дебруциномъ.—Безвыходное положеніе Гергея.—Сдача венгерцевъ военно-плѣнными.—Конецъ венгерской кампаніи.

Пыть послѣдней войны выяснилъ слабость 4-хъ эскадроннаго полка; поэтому уже въ слѣдующемъ году полкъ былъ переформированъ въ 6-ти эскадронный составъ съ пѣшимъ резервомъ. Въ 1833 году полкъ доведенъ былъ до 8-ми эскадроннаго состава (7-й и 8-й эскадроны получили названіе «фланкерскихъ») съ нестроевою ротою и 9-мъ резервнымъ эскадрономъ ¹⁾, по 15 рядовъ во взводахъ. По положенію, Высочайше утвержденному 21 марта 1833 года, о переформированіи армейской кавалеріи, на усиленіе Харьковскаго полка поступилъ въ полный составъ 1-й дивизіонъ расформированнаго тогда въ числѣ другихъ Татарскаго уланскаго полка съ 3-мъ штабъ и 18 оберъ-офицерами. Прибывшіе нижніе чины и офицеры оправдывали названіе полка—почти все были татары. Новые эскадроны составили 4-й ди-

¹⁾ Первое время 9-й резервный эскадронъ находился при полку и долженъ былъ въ военное время служить кадромъ для новыхъ резервовъ въ размѣрѣ двухъ эскадроновъ; его образованіе и составъ были тождественны съ таковыми-же прочихъ эскадроновъ. Въ 1831 году 9-й эскадронъ былъ расформированъ, вмѣсто него былъ причисленъ одинъ изъ дѣйствующихъ эскадроновъ Новоархангельскаго уланскаго полка съ переименованіемъ въ резервный, но оставленъ при прежнемъ своемъ полку въ окрѣгъ его военнаго поселенія (Полож. 21 марта 1833 г.).

визіонъ Харьковскаго полка ¹⁾. Кромѣ татарскихъ эскадроновъ въ томъ-же году было зачислено 171 человекъ изъ малороссійскихъ казаковъ, послѣ чего полкъ былъ доведенъ до полного комплекта, согласно новому штату: 1853 человекъ всѣхъ чиновъ и 1689 строевыхъ лошадей. На основаніи того-же положенія 21 марта, при распредѣленіи всей армейской кавалеріи въ новомъ ея составѣ, Харьковскій полкъ былъ назначенъ въ 1-ю уланскую бригаду (и Смоленскій полкъ; 2-я бригада гусарская) 2-ой легкой-кавалерійской дивизіи съ назначеніемъ ея въ составъ 2-го пѣхотнаго корпуса. При введеніи въ полкахъ одностаяныхъ лошадей Харьковскому полку была назначена сѣрая масть. 30-ые года были временемъ очень частыхъ переменъ въ штатѣ и пр., особенно резервныхъ частей, что ясно видно изъ хроникъ полка.

Послѣ Андреа, почти годъ спустя, Высочайшимъ приказомъ (отъ 12 Мая 1832) командиромъ полка былъ назначенъ Полковникъ Дмитрій Николаевичъ Беклемишевъ, очень заслуженный офицеръ, грудь котораго была украшена многими орденами, полученными имъ за военные отличія: въ 1812 году онъ былъ награжденъ золотою шагою, въ 1813 году знакомъ отличія прусскаго желѣзнаго креста, орденомъ Св. Владимира 4-й степени, въ 1831—польскомъ знакомъ отличія 3-ей степени и многими другими. Судьба Беклемишева нѣсколько замѣчательна. Происходилъ онъ изъ древней русской дворянской фамиліи, въ родѣ которой считается много пословъ и воеводъ; въ службу вступилъ онъ

¹⁾ Полкъ Татарскій былъ сформированъ въ Литвѣ изъ татаръ и литовцевъ кн. Репниннымъ 9 іюля 1797 г. и названъ «Татарскимъ-Литовскимъ полкомъ». Въ 1803 году поляки и литовцы отдѣлены были отъ полка на составленіе новаго «Литовскаго уланскаго полка», и полкъ въ составѣ 5 эск. получилъ названіе «Конно-Татарскаго полка»; въ 1807 г. былъ наименованъ «Татарскимъ уланскимъ полкомъ». Въ 1833 г. расформированъ и поступилъ на усиленіе Харьковскаго, Сибирскаго—уланскихъ и Московскаго, Каргопольскаго, Кинбургскаго, Рижскаго—драгунскихъ. Эскадроны Татарскаго полка принесли съ собою штандартъ, пожалованный 6 дек. 1827 г., онъ и остался въ 4-мъ дивизіонѣ Харьковскаго полка. Изъ Татарскаго въ Харьковскій поступило еще 12 серебряныхъ трубъ, пожалованныхъ полкомъ за отличіе въ сраженіи у Кульма 18 августа 1813 г.

(1799 годъ) подпрапорщикомъ въ л. г. Семеновскій полкъ, послѣ переведенъ былъ въ л. г. Конный, гдѣ прослужилъ до чина подполковника (1819), а съ 1822 года назначенъ былъ командиромъ Новороссійскаго драгунскаго полка и командовалъ имъ 6 лѣтъ. По приговору суда (15 фев. 1828 г.) Беклемишевъ былъ расжалованъ въ рядовые ¹⁾ за растрату значительныхъ суммъ казенныхъ полковыхъ денегъ, которыхъ при ревизіи не оказалось. Виновнымъ онъ въ томъ, какъ это можно заключить изъ всего, не былъ: растрата произошла вслѣдствіе недосмотра съ его стороны и довѣрія, съ которымъ онъ относился ко всѣмъ. Расжалованный въ рядовые съ лишеніемъ всѣхъ знаковъ отличія, Беклемишевъ былъ зачисленъ на службу въ Казанскій драгунскій полкъ «впредь до выслуги», но скоро былъ переведенъ въ Смоленскій уланскій. Въ первомъ-же дѣлѣ войны 1828 года за отличие былъ произведенъ въ корнеты съ переводомъ въ Харьковскій полкъ. Съ этого времени начинается быстрое повышение его въ чинахъ, и въ октябрѣ 1829 года онъ снова былъ уже полковникомъ. Эта быстрота служить лучшимъ доказательствомъ, что растрата денегъ произошла при обстоятельствахъ, запятнавшихъ его чести и что расжалованіе было лишь припѣніемъ буквы закона, покоравшаго командира за грѣхи подчиненныхъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Дмитрій Николаевичъ Беклемишевъ самъ по себѣ былъ человекъ богатый, владѣвшій имѣніями въ Московской, Тамбовской и Рязанской губерніяхъ. На два года Беклемишевъ разстался съ полкомъ Харьковскимъ, служба въ которомъ, сочувствіе и симпатіи общества офицеровъ вернулъ ему потерянное—чины и ордена. Два года Дмитрій Николаевичъ прослужилъ въ Курляндскомъ полку, а послѣ того снова былъ назначенъ въ Харьковскій, но уже его командиромъ, имѣя 43 года отъ роду. Командо-

¹⁾ Такіе случаи были тогда не рѣдки; въ 1845 г., напр., былъ расжалованъ по Высочайшему указу въ рядовые командиръ Павлоградскаго гус. п. Полковникъ Мельниковъ и зачисленъ на службу въ Харьковскій полкъ. (Мѣс. рап. пол.).

валъ Беклемишевъ полкомъ восемь лѣтъ—въ 1840 году онъ умеръ отъ чахотки въ полку.

Время его командованія было мирное. Полкъ ежегодно ходилъ по кампаниямъ, иногда очень далеко, и перемѣнилъ много стоянокъ: гг. Любарь, Ловичъ, Новогрудокъ, Лвны, дважды Несвижъ, Краснотавъ и Золотоноша; кочевать, значить, приходилось много, перебрасываясь, напр., изъ Царства Польскаго въ Полтавскую губ.

Въ 1839 году полкъ направился къ д. Бородино, чтобы принять участіе въ назначенномъ тамъ громадномъ сборѣ войскъ (120000). Расположился онъ на тѣсныхъ квартирахъ въ маленькихъ деревняхъ Зарѣцкой, Позняково, Крылатъ, Филипповъ и Овсянкова. На поляхъ бородинскихъ Императоръ Николай Павловичъ воздвигнулъ монументъ въ память погибшихъ здѣсь участниковъ той знаменитой битвы, послѣ которой начали желтѣть и постепенно высыпаться листья изъ лавроваго вѣнка славы гениальнаго завоевателя. Памятникъ поставленъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ болѣе всего рѣкою лилась кровь и гдѣ русскіе воины показали такъ много героизма и стойкости; воздвигнуть онъ на возвышенности, гдѣ 27 лѣтъ тому назадъ находился центръ батареи Раевского. На монументѣ, представляющемъ колонну въ византийскомъ стилѣ, находится знаменательная надпись: «2 сентября Москва занята непріятелемъ—19 марта 1814 года Императоръ Александръ вошелъ въ Парижъ».

Задолго до прибытія войскъ начались приготовленія, стоившія громадныхъ денегъ—нѣсколько миліоновъ, но это были ничтожныя затраты, сравнительно съ великой цѣлью. Войска начали собираться въ концѣ іюля, Государь прибылъ 16 августа; время до открытія памятника проходило въ ежедневныхъ маневрахъ.

26 августа, день Бородинской битвы, послѣдовало открытіе памятника. Въ 8 часовъ утра всѣ войска были собраны и разставлены на назначенныхъ мѣстахъ вокругъ монумента;

пѣхота съ двухъ сторонъ, а кавалерія въ полковыхъ эскадронныхъ колоннахъ и артиллерія—съ третей. Изъ церкви с. Бородино тронулась церковная процессія и стала приближаться къ войскамъ. Солнце, до того времени тусклое, бывшее какъ бы въ туманѣ, залило своими лучами чудную картину, которую представляли изъ себя эти стройныя блестящія войска. Начался молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, окончившійся освященіемъ памятника, у подножія котораго лежалъ недавно перенесенный сюда прахъ Багратіона, смертельно раненаго въ Бородинской битвѣ. Такъ Государь пожелалъ почитать память воина-героя, много послужившаго на славу русскаго оружія. При громѣ пушекъ и неумолкаемыхъ крикахъ «ура» вырывавшихся изъ 120 тысячъ восторженныхъ грудей, состоялось открытіе. Торжественность обстановки и собственноручный приказъ Государя, прочитанный утромъ войскамъ взволновали до слезъ cadaго. Вотъ этотъ приказъ:

«Ребята: предъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славномъ подвигѣ вашихъ товарищей! Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ предъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить русское войско, стоявшее за Вѣру, Царя и Отечество! Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ, и мы вошли въ Парижъ!»

Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ Императору Александру I, — его твердою волею спасена Россія: вѣчная слава падшимъ геройскою смертью товарищамъ вашимъ, и да послужитъ подвигъ ихъ примѣрамъ намъ и позднѣйшему потомству! Вы-же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему Государю и нашей общей матери-Россіи».

Послѣ освященія, во главѣ съ Государемъ, пошли полки церемоніальнымъ маршемъ мимо памятника, и знамена, наклоняясь, отдавали честь ему и ветеранамъ Отечественной Войны, стоявшимъ за рѣшеткою у подножія его. Ихъ было

до 200 человѣкъ, свидѣтелей и участниковъ. И не одинъ изъ нихъ въ день, съ котораго скромное Бородино сдѣлалось извѣстнымъ всему міру, пролилъ свою кровь на этихъ поляхъ смерти и славы. Былъ здѣсь Ермоловъ, начальникъ штаба войскъ Кутузова, гр. Толь, кн. Воронцевъ, принцъ Евгений Виртембергскій, кн. Голицынъ, кн. Горчаковъ, Орловъ—Денисовъ—все это имена такъ живо напоминающія каждому русскому годину тяжелыхъ испытаній, посланныхъ Богомъ на Россію.

Три дня спустя, 29 августа, состоялся большой маневръ, представлявшій, на сколько то было возможно, знаменитую Бородинскую битву. Войска заняли тѣ мѣста, гдѣ расположена была наша армія въ день Бородина, при чемъ ветераны давали свои указанія. Только конецъ маневровъ, когда войска перешли въ общее наступленіе, явился нарушеніемъ исторической послѣдовательности, что Государю угодно было сдѣлать въ залогъ того, что наша армія никогда ужъ не отступитъ предъ врагомъ. Грандіозный сборъ завершился 31 августа общимъ смотромъ, а 2 сентября Императоръ объѣзжалъ все лагери, благодарилъ войска. По окончаніи всего, Харьковскій полкъ возвратился на свою стоянку въ г. Несвижъ, придя туда 27 октября.

Послѣ Беклемишева полкомъ въ теченіи двухъ лѣтъ (по 1842 годъ) командовалъ Полковникъ Витовскій, происходившій изъ дворянъ Волынской губ. Его смѣнилъ Полковникъ фонъ-Кропекъ, происходившій изъ дворянъ Новгородской губ. (по 1847 годъ), славный полкъ вновь назначенному командиру Владиславу Касперовичу Земенскому. Начавъ службу въ л.-г. Уланскомъ полку, онъ (въ 1841 году) былъ переведенъ въ Харьковскій полкъ, командовалъ дивизіономъ, за отличіе по службѣ былъ произведенъ въ полковники, а послѣ назначенъ и командиромъ Харьковскаго-же полка.

Изъ Малороссіи въ 1848 году полкъ выступилъ снова въ Царство Польское въ г. Мендзыжець (Сѣдлецкой губ.). Въ слѣдующемъ году, отбывъ полковой кампанентъ (по 15 апрѣля), онъ выступилъ въ общій сборъ войскъ при г. Варшавѣ. Оттуда внезапно 2 мая былъ двинутъ на Щенславицу; но, не доходя еще до этого мѣстечка, 5 мая, вслѣдствіе перемѣны маршрута, направленъ былъ въ м. Турбинъ, Люблинской губ., куда и прибылъ 18 мая.

Выступая подъ Варшаву, полкъ не предполагалъ, что ему придется направиться въ военный походъ, хотя время, собственно, было тревожное настолько, что можно было того ожидать ежеминутно. Вслѣдствіе начавшихся почти во всей Европѣ безпорядковъ послѣ февральской революціи во Франціи, войска наши были мобилизованы. Критическое положеніе Австріи, стоявшей почти на краю гибели, заставило это государство обратиться къ нашему Императору съ просьбою о помощи, и 26 апрѣля былъ обнародованъ манифестъ, повелѣвавшій двинуть часть нашихъ силъ противъ возставшихъ венгерцевъ, кои наносили австрійскимъ войскамъ поражение за поражениемъ и угрожали столицѣ Имперіи. Изъ Турбина полкъ Харьковскій былъ направленъ къ границѣ и перешелъ ее 23 мая въ числѣ 8-ми эскадроновъ въ составѣ 1147 человекъ всѣхъ чиновъ и 1057 лошадей¹⁾. Полки 1-ой бригады, временно задержанные въ Галиціи вслѣдствіе недостатка фуража, перейдя 13 іюня Карпатскія горы, въ Вишнау присоединились къ корпусу и вмѣстѣ со всею арміею гр. Паскевича Эриванскаго продолжали двигаться во внутрь Венгріи на Мишкольць.

Съ неприятелемъ встрѣчи еще не было, но для русскихъ войскъ съ первыхъ-же шаговъ начались тяжелыя испытанія. Австрійцы, спасать которыхъ мы пришли, не исполнили, по обыкновению, обязательствъ, и армія наша нигдѣ не находила продовольствія и почти что голодала. Кромѣ того, вскорѣ

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

появился страшный врагъ, вырывавшій изъ рядовъ цѣлыя тысячи—холера. Врагъ этотъ былъ тѣмъ болѣе ужасенъ, что его не предвидѣли и не приготовились къ борьбѣ съ нимъ, а санитарная часть была въ самомъ плохомъ состояніи, не было медикаментовъ; позаботиться о чемъ также должны были австрійцы. Холера, какъ показываютъ всѣ источники, начала появляться въ арміи съ 12 іюня¹⁾, но въ Харьковскомъ полку еще въ теченіи мая умерло 5 человекъ отъ нея²⁾, такъ что, значитъ, она появилась и ранѣе. Съ половины-же іюня эпидемія разразилась съ ужасающей силой—съ 13 іюня по 1 іюля, напр., въ войскахъ 2, 3 и 4 пѣхотныхъ корпусовъ заболѣло холерою 14472 человекъ, изъ коихъ собственно при войскахъ умерло 2102 человекъ, и все это до встрѣчи еще съ неприятелемъ! Въ Харьковскомъ полку въ теченіи іюня всѣхъ больныхъ было 222 человекъ, изъ нихъ холерныхъ 167; отправлено въ томъ мѣсяцѣ въ госпиталѣ было 141 человекъ. Но, кромѣ холеры, въ войскахъ были развиты и другія болѣзни—въ теченіи мѣсяца въ полку было 55 человекъ больныхъ ими. Въ іюнѣ въ полку умерли: полковой священникъ Антоній Хононевичъ—этотъ достойный пастырь не щадилъ себя, давая больнымъ послѣднія напутствования, и Поручикъ Маркевичъ. Въ іюлѣ больныхъ чиновъ Харьковского полка въ разныхъ госпиталѣхъ (состоявшихъ къ тому мѣсяцу и съ поступившими въ немъ) было 8 офицеровъ и 273 человекъ нижнихъ чиновъ, изъ нихъ холерою 147, раненыхъ 5, на остальные болѣзни пришлось 129 случаевъ. Въ этомъ мѣсяцѣ отъ холеры при полку умерли Корнетъ Будрикъ и 4 улана³⁾.

Дождливая погода и бивачная жизнь сильно способствовали развитію всѣхъ болѣзней, чему содѣйствовала дурная, скудная пища и ѣда солдатами незрѣлыхъ плодовъ. Армія терпѣла недостатокъ въ продовольствіи—а всюду было обиліе—Венгріи страна плодородная; войска наши спали на бивачахъ

¹⁾ Воен. Сбор. ІСШ, от. I, стр. 196; Лееръ Энцикл. ст. 97 и др.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

³⁾ Ibidem.

подъ дождемъ на голой землѣ, а кругомъ были большія селенія—дѣлалось это изъ нежеланія причинять жителямъ отягощеній, съ ними слишкомъ церемонились¹⁾. Люди умирали массами на маршѣ, на бивакахъ. Отъ арміи постоянно тянулись цѣлые обозы больныхъ, направляясь въ госпитали, но всѣхъ они забрать не могли, и несчастные больные солдаты плелись вслѣдъ за ними пѣшкомъ и своими трунами устилали дорогъ. Подать помощь всѣмъ больнымъ было невозможно. И безъ того неудовлетворительная санитарная часть была совершенно безсильна: лекарствъ не было, врачей не доставало. И несчастные жертвы, поливаемые дождемъ, валялись въ грязи и мерли, какъ мухи, ихъ даже не успѣвали хоронить въ длинныхъ общихъ могилахъ. И все это приносилось въ жертву вѣроломной Австріи, которая послѣ, въ трудную годину Восточной войны, не подумала прійти къ намъ на помощь, если только еще и не вредила втайнѣ.

Съ конца іюня эпидемія начала стихать, но лишь съ половины іюля уменьшилась значительно, но, хотя и въ слабой степени, продолжалась и въ августѣ—въ этотъ мѣсяцъ въ полку былъ одинъ холерный случай, другихъ болѣзней—два.

Находясь при арміи, полкъ слѣдовалъ съ нею отъ Мишкольца къ Готвану. 1-го іюня изъ г. Генгеша откомандированъ былъ 3-й дивизионъ съ Маіоромъ Дуклинскимъ въ Аракъ-Шаллосъ для наблюденія за непріятелемъ²⁾. Первое столкновение нашихъ авангардныхъ войскъ съ венгерцами произошло подъ г. Вайценомъ. Здѣсь Г.-М. Заасъ вслѣдствіе своей «неумѣстной заносчивости» (слова Паскевича въ запискѣ Государю), на неудобной позиціи, вопреки приказаній и безъ всякой рекогносцировки вступилъ въ бой съ мужественнымъ предводителемъ венгерской инсургентной арміи Артуромъ Гергеємъ. 3-го іюля изъ г. Гатвана былъ высланъ кавалерійскій отрядъ подъ начальствомъ Г. Л. барона Офенберга.

¹⁾ Лехутиъ. Зап. о пох. въ Венг., стр. 111.

²⁾ Воен. Уч. арх. II, № 3283.

Въ составъ его вошелъ Харьковскій полкъ въ числѣ 6 эскадроновъ: наканунѣ возвратился 7-й эскадронъ, командированный 23-го іюня въ прикрытіе саперной роты, строившей мосты на р. Гернадъ (впадаетъ въ р. Тиссу). Когда Заасъ началъ уже бой съ Гергеємъ и когда наша пѣхота, атакованная венгерскою кавалеріею, отходила подъ сильнымъ огнемъ назадъ (около 4 часовъ дня), подошла кавалерія Офенберга и, поддерживая авангардъ, расположилась на равнинѣ влѣво отъ виноградниковъ. Несмотря на неблагопріятныя для насъ обстоятельства и слабость силъ, рѣшено было держаться, чтобы отступленіе не повліяло дурно на духъ нашихъ войскъ, впервые встрѣтившихся съ венгерцами. Все почти сраженіе до самой ночи шло къ бою артиллеріи. Харьковцы весь этотъ день простояли подъ сильнымъ огнемъ, вырвавшимъ изъ его рядовъ убитыми 2 уланъ и 35 лошадей, но стояли они твердо, въ совершенномъ порядкѣ, за что командиръ полка былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 степени¹⁾; Ротмистръ Баланъ, командиръ 8-го эскадрона, получилъ контузію и слѣдующій чинъ. Контужены были въ грудь Поручикъ Унгебауэръ, но остался во фронтѣ²⁾, и командиръ 1-го эскадрона Ротмистръ Соболевскій, но и онъ также остался во фронтѣ. За оказанное въ этотъ день отличіе Унтеръ-офицеръ Якубовскій былъ произведенъ въ корнеты. Число раненыхъ нижнихъ чиновъ—неизвѣстно.

Не принимая активнаго участія въ бою, кавалерія утомилась въ этотъ день ужасно, просидѣвъ на коняхъ 18 часовъ въ сферѣ артиллерійскаго огня. Особенно изнурились лошади: сдѣлавъ въ сильную жару переходъ, онѣ въ продолженіи всего дня были не кормлены и, главное, не поинны. Съ наступленіемъ темноты кавалерія расположилась на бивакѣ недалеко отъ с. Дуки. Первая встрѣча окончилась неудачно. Ночь прошла спокойно. 4-го іюля прошло въ приготовленіяхъ

¹⁾ Общій архивъ. № 1224.

²⁾ Ibidem.

къ нападенію на венгерцевъ и въ размѣщеніи на позиціи прибывшихъ новыхъ частей. Гергей-же, узнавъ о нашемъ усиленіи, въ ночь отступилъ кружнымъ путемъ на горныя комитаты на соединеніе съ своими войсками, находившимися на югѣ Венгріи. Къ разсвѣту въ городѣ остался лишь арріергардъ венгерцевъ. Для преслѣдованія ихъ была направлена кавалерія 3-го корпуса, а съ нею и Харьковскій полкъ. Оно, впрочемъ, не было особенно успѣшно, и войска скоро возвратились. Гергей ускользнулъ, разрушивъ планы Паскевича.

За отличіе 3 и 5 числа были произведены въ слѣдующіе чины командиры дивизионовъ. Подполковникъ Завистовскій и майоры Раутенбергъ и Гинко ¹⁾. 4 улана получили георгіевскіе кресты за отличіе, выказанное ими во время преслѣдованія.

Какъ уже упомянуто выше, 3-й дивизионъ Харьковскаго полка Майора Дуклинскаго при движеніи арміи къ Вайцену былъ посланъ на лѣвый флангъ для наблюденія за неприятелемъ къ м. Феншару. Дуклинскій о неприятелѣ собралъ самыя точныя свѣдѣнія и посмѣшилъ донести о томъ Г.-А. гр. Толстому (дивизионъ поступилъ въ его вѣдѣніе). Донесеніе застало этого генерала предъ выходомъ его изъ г. Асода часа въ 4 утра 8 іюля: въ немъ Дуклинскій сообщалъ, что значительныя силы, —15—20 тысячъ, неприятеля открыты имъ въ м. Монарѣ (подъ начальствомъ Высоцкаго и Перцея) и что авангардъ этого корпуса (Джозефа), силою 4—5 тысячъ, занимаетъ м. Татъ-Азмазъ, въ 5 верстахъ отъ Феншары ²⁾. Между тѣмъ, наши эскадроны подъ напоромъ сильнаго авангарда стали въ совершенномъ порядкѣ отходить изъ м. Феншары къ д. Туръ, наводя его на нашъ авангардъ, о чемъ также Дуклинскій послалъ донесеніе Толстому: получилъ его онъ въ м. Туръ ³⁾. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, передовые разѣзды открыли приближеніе неприятеля, предъ которымъ Харьковцы отступали спокойно и шагомъ. Подъ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ В. Уч. арх. II, № 3283.

³⁾ Ibidem.

прикрытіемъ Харьковцевъ и 2-хъ сотенъ казаковъ, высланныхъ гр. Толстымъ, авангардъ выстроился въ боевой порядокъ между д.д. Туръ и Замбокъ и въ 10 часовъ утра двинулся на неприятеля; но, видя несоразбѣрное число венгерской кавалеріи, остановился. Это-же сдѣлалъ и неприятель. Толстой сталъ дожидаться пѣхоты, венгерцы—оттянувшія свои части. Харьковцы и казаки отошли въ резервъ. Часа 2 простояли такъ обѣ стороны въ полутарномъ пушечномъ выстрѣлѣ одна отъ другой. Въ часъ венгерцы, медленно наступая, открыли канонаду, на которую тотчасъ отвѣтили и мы. Но, догадавшись, наконецъ, о слабости отряда гр. Толстого, венгерцы рѣшились перейти въ энергичное наступленіе. Они выслали противъ нашего лѣваго фланга 6 эскадроновъ уланъ, но они дѣйствовали слабо, и одновременно для обхода праваго фланга направили до 10 эскадроновъ гусаръ. Гусары эти, поддерживаемые еще нѣсколькими эскадронами, быстро повели атаку. Обрушились они на стоявшій на правомъ флангѣ Елисаветградскій гусарскій полкъ. Произошла жаркая кавалерійская схватка. На помощь нашимъ гусарамъ гр. Толстой лично повелъ Харьковцевъ и казаковъ ¹⁾. Положеніе дѣлалось опаснымъ, но въ этотъ критическій моментъ на мѣсто боя Г. Лабинцевъ бѣгомъ привелъ пѣхоту. Она и артиллерія своими успѣшными выстрѣлами рѣшили дѣло въ нашу пользу. Венгерцы отступили.

Майоръ Дуклинскій, выказавшій столько распорядительности и стойкости при отступленіи, оказавъ при томъ личную храбрость въ жаркой схваткѣ, былъ награжденъ чиномъ. Командиры эскадроновъ—Ротмистръ Дуклинскій получилъ орденъ св. Владиміра 4-ой степени, Штабсъ-Ротмистръ Марковичъ—св. Анны 3-ей ²⁾; этотъ-же орденъ получилъ и раненый саблею Штабсъ-Ротмистръ Пороховицковъ. Георгіевскіе кресты получили всего лишь 2 вахмистра—Сидоръ Степановъ и Сте-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Общій архивъ. № 1224.

панъ Курловъ. При лихихъ и успѣшныхъ схваткахъ этого дня, гдѣ Харьковцы выказали много стойкости и оказали большую, вообще, услугу, открывъ непріятеля и наведя его на наши войска, этихъ двухъ крестовъ на два эскадрона какъ будто-бы и мало было дано. Въ дѣлѣ этого дня пропало безъ вѣсти 3 улана и было убито 12 лошадей¹⁾; число раненыхъ нижнихъ чиновъ неизвѣстно.

Слѣдующее дѣло, гдѣ Харьковцы находились, гдѣ 2-я легкая дивизія принимала такое недѣлательное участіе, произошло у г. Дебrecина. Здѣсь Паскевичъ думалъ догнать самого Гергея со всѣми его силами, но онъ снова ускользнулъ. Наши войска застали около этого города лишь боковой отрядъ Надъ-Шандора (8 тысячъ), который, вопреки приказанію Гергея, вступилъ въ бой. 2-я дивизія, а, значитъ, и Харьковскій полкъ (4-й его дивизионъ былъ командированъ для прикрытія № 17 парка и 23-го іюля присоединился къ полку), при расположеніи на позиціи была поставлена въ густой и высокой, какъ лѣсъ, кукурузѣ. Ни она не видѣла непріятеля, ни непріятель ея. Остатки войскъ Надъ-Шандора отступили по дорогѣ къ г. Гросъ-Вардейну и успѣли уйти. По мѣсту своего расположенія 2-я дивизія легко могла-бы отрубать непріятеля, но ее не могли найти и передать приказаніе двинуться на путь отступленія венгерцевъ, что сдѣлать самъ Глазенапъ не догадался. Но если ординарцы не могли разыскать дивизію, то ее находили артиллерійскіе снаряды: изъ полка было убито 7 лошадей и раненъ 1 уланъ. Въ этотъ же день въ полку пало отъ изнуренія 35 лошадей²⁾. Паскевичъ болѣе 20 верстъ велъ свои войска въ боевомъ порядкѣ безъ приваловъ и воды—слѣдствіемъ этого и явилось такое огромное число навшихъ лошадей (въ 6-ти эскадронахъ, стоявшихъ при томъ долго на мѣстѣ и непринимавшихъ участія въ бою).

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

²⁾ Ibidem.

Армія осталась въ Дебrecинѣ ожидать вагенбурга, для занятія же оставленнаго непріятелемъ Гросъ-Вардейна и для наблюденія за Гергеемъ былъ посланъ Ридигеръ съ 3-мъ корпусомъ и 3-мя полками 2 дивизіи, въ числѣ ихъ былъ Харьковскій полкъ¹⁾. Къ этому времени положеніе венгерцевъ, стѣсненныхъ отовсюду, было таково, что имъ осталось только положить оружіе. Рѣшившись на это, Гергей послалъ парламентера, но гр. Паскевичъ отвѣтилъ, чтобы мятежники обратились къ австрійскому главнокомандующему и сдались-бы своему законному правительству. 31-го іюля Ридигеръ получилъ отъ Гергея такое письмо: «Я торжественно объявляю, что скорѣе подвергну весь мой корпусъ истребленію въ отчаянной битвѣ противъ сильнѣйшаго противника, чѣмъ рѣшусь безусловно сложить оружіе предъ австрійцами». Гергей писалъ, что онъ и его войска готовы это сдѣлать, но только предъ русскими. Послѣ этого Паскевичу ничего не оставалось, какъ согласиться. И 1-го августа вблизи м. Вилагона на равнинѣ у подошвы горъ Гергей, любимецъ народа и войска, человекъ въ высшей степени даровитый, колотившій неоднократно австрійцевъ (впрочемъ, кто и не колотилъ ихъ!), честный и горячій патріотъ, сложилъ оружіе предъ нами, по опредѣленію военного совѣта.

Войска Ридигера, ничего не зная о томъ, что должно было произойти въ этотъ день, дойдя до д. Зарандъ, перестроились въ боевой порядокъ и, въ увѣренности что предстоитъ боевая встрѣча съ венгерцами, продолжали нѣкоторое время наступленіе и остановились. Около 10 часовъ утра начали приближаться войска венгерцевъ и строиться въ одну линію противъ нашихъ—посрединѣ пѣхота, по флангамъ кавалерія, артиллерія сзади. Отъ линіи непріятеля отдѣлилась группа всадниковъ и помчалась въ нашу сторону. Скоро группа остановилась въ почтительномъ отдѣленіи. Одинъ только всадникъ, скромно одѣтый, на чудномъ конѣ подскака-

¹⁾ Воен. Уч. арх. II, № 3238.

калъ къ Ридигеру и подалъ рапортъ о числѣ сдававшихся венгерскихъ войскъ. Это былъ Гергей.

Венгерцы отдали честь нашими войсками. Пѣхота ихъ начала снимать амуницію и складывать оружіе: знаменитые венгерскіе гусары слѣзали съ коней, отстегивали любимыя сабли свои. Всѣ венгерцы рыдали; рыдая цѣловали гусары своихъ коней, рыдая прощались съ оружіемъ. И скоро эти прекрасныя войска, предъ которымъ трепетала Австрія—счастливая лишь «бракомъ» ¹⁾, а не доблестью сыновъ своихъ, обратились въ безоружную, плакавшую навзрыдь толпу. Венгерцы прощались со своимъ любимымъ вождемъ, прощались другъ съ другомъ. Возгласы—«прощай, Гергей», «прощай, Гергей», какъ звуки погребальнаго колокола, грустно и зловъѣще слышались отовсюду. И это «прощай» не напрасно произносилось: скоро многихъ изъ нихъ не стало. Незнающіе великодушія, а лишь двоедушіе, австрійцы многихъ изъ нихъ повѣсили, многихъ разстрѣляли. Голова самаго Гергея уцѣлѣла, лишь благодаря ходатайству Цесаревича Александра Николаевича—его помиловали, но сослали въ Клагенфуртъ.

Когда окончилось разоруженіе, полки нашей 2-ой дивизіи, блистая красотой своего обмундированія, стройно приблизились къ венгерцамъ, и съ этой минуты послѣдніе были военноплѣнные. Русскіе дѣлали, по своему обыкновенію, все, чтобы облегчить участь несчастнымъ. Гергей писалъ Даміанипау, коменданту кр. Арада: «Съ нами обходятся такъ, что мы удивляемся только и стыдимся почти того; если-бы мы были въ обратномъ положеніи, то я не могъ-бы, кажется, ручаться за такое милое, великодушное обхожденіе со стороны нашихъ офицеровъ въ отношеніи непріятельскихъ военноплѣнныхъ» ²⁾.

¹⁾ «Bella gerant alii, tu, felix Austria,—nube». Пусть войны другіе ведутъ, ты-же, счастливая Австрія, заключай браки.

²⁾ Дроздовъ. Сдача венг. ар. русскимъ войскамъ.

Такимъ образомъ, Венгерская кампанія окончилась, возстаніе было подавлено. Австрія, спасенная нами, казалось-бы, не должна была того забыть никогда. Всѣмъ участникамъ кампаніи были розданы въ память ея медали.

Полкъ потянулъ обратно въ предѣлы Россіи. На квартиры онъ прибылъ въ г. Эгеръ, гдѣ расположился его штабъ, а эскадроны по окрестнымъ деревнямъ.

Глава XXIV.

Двухсотлѣтіе существованія полка.—Дарованіе новыхъ штандартовъ.—Царская грамота.—Полкъ теряетъ на время свое названіе.—Полковникъ Станковичъ.—Изобрѣтенный имъ кавалерійскій лентчикъ.—Его приказы по полку.—Отношеніе къ подчиненнымъ, заботы о нижнихъ чинахъ.—Малое число побѣдъ.—Преобладаніе въ полку нерусскаго элемента.—Уланка.—Переѣзны стоянокъ.—Возможность войны.—Реформы армейской кавалеріи.—Г. Красноставъ.—Полковники Гудима, Баумгартенъ.

Командованіе полкомъ Земенцикомъ ознаменовалось въ исторіи Харьковскаго полка событіемъ, которое до того времени вышло изъ всей русской арміи на долю лишь Эриванскаго полка—въ 1851 году Харьковцы отпраздновали двухсотлѣтній юбилей существованія полка, два вѣка тому назадъ зародившагося въ «дикихъ поляхъ», въ пустынномъ и незаселенномъ краѣ¹⁾. Съ честью служили всегда Харьковцы на славу своей родины въ этотъ громадный періодъ времени. И первая, и главная ихъ заслуга была уже та, что они своими саблями отвоевали у татаръ богатный край, заселили его и присоединили къ Москвѣ; благодаря лишь имъ, она, въ своемъ постоянномъ стремленіи на югъ, вглубь трудно проходимыхъ тогда степей, сдѣлала новый и большой шагъ въ сторону Крыма и моря.

Одновременно праздновали великое событіе двухсотлѣтней годовщины четыре ветерана нынѣ громадной русской арміи, старѣйшіе кавалерійскіе полки, родные межъ собою братья—старшіе Сумской, Харьковскій и Ахтырскій, прекращавшіи на нѣкоторое время свое существованіе, и младшій²⁾ ихъ братъ—Изюмскій, скорѣе славный сынъ Харьковскаго, обязанный ему

своимъ существованіемъ: нѣкогда Черкасскій Харьковскій полкъ ему, какъ-бы въ наслѣдство, далъ часть своихъ земель и управлялъ имъ долго, пока не выросъ и не окрѣпъ новый полкъ, чтобы послѣ начать самостоятельную жизнь, полную славныхъ подвиговъ на полѣ брани³⁾.

Высочайшимъ приказомъ отъ 27 іюня 1851 года Государь Императоръ, въ знакъ особеннаго своего Монархаго благоволенія за вѣрность и преданность, въ ознаменованіе двухвѣковаго юбилея, пожаловалъ 1, 2 и 3-му дивизіонамъ Харьковскаго полка въ замѣнъ имѣвшихъ у нихъ новыя штандарты⁴⁾. Они были препровождены во 2-ю легкую кавалерійскую дивизію Комиссаріатскимъ Департаментомъ съ нарочнымъ вахтеромъ. Къ штандартамъ были слѣдующія принадлежности: 3 высеребрённые коня со вставленными въ нихъ георгіевскими крестами, 120 высеребрённыхъ гвоздей, 3 пары серебряныхъ кистей на георгіевскихъ лентахъ, 5 арш. 4 вер. серебрянаго галуна для прибивки штандартовъ къ древкамъ; 3 зеленые древка съ приборами, 3 штандартныхъ чахла съ нарисованными на кознахъ георгіевскими крестами и 3 панталера (перевязи) изъ краснаго и желтаго сукна, обшитые вызолоченнымъ галуномъ; 3 вызолоченныя скобы къ древкамъ, вызолоченныя къ скобамъ гвозди, по 5 на каждую. Эти всѣ вещи получены были изъ штаба дивизіи и препровождены въ полкъ въ ящикахъ Поручикомъ Харьковскаго полка Рачинскимъ⁵⁾. Кромѣ того, нѣсколько поздице, присланы были новые три юбилейныя александровскія ленты и шнуры для привязыванія ихъ къ штандартамъ⁶⁾ (на лентахъ надписи, что и на скобахъ, см. ниже): на одномъ концѣ ленты вензеля: съ одной стороны «А», съ другой «А М» съ короною, на другомъ двуглавый орелъ съ короною.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Поздице полагалось имѣть лишь по одному штандарту на полкъ. Въ строй на домашнія ученія 1-й эскадронъ вывозилъ «квартиргерскій знакъ»—на древкѣ шлоотно (12 1/2 и 12 вер.), окрашенное желтою масляною краскою, на немъ орелъ чернаго цвѣта, ленты съ надписями.

³⁾ Предписаніе нач. див. 1851 г., № 2452.

⁴⁾ Ibidem 1852 г., № 598.

¹⁾ Подробно этотъ вопросъ рассмотрѣнъ въ «Ист. Харьк. сл. коз. полк.»

²⁾ Изюмскій полкъ возникъ въ 1685 году—Ibidem.

Штандарты были сдѣланы изъ двойной шелковой матеріи зеленого цвѣта съ серебряною бахромою. По срединѣ полотна, по зеленому полю, вышитъ серебромъ двуглавый орелъ съ короною, держащій въ правой лапѣ ленту, въ лѣвой—вѣнокъ; подъ гербомъ нашита андреевская лента съ обѣихъ сторонъ съ надписью: «1651—1851», знаменующую собою годъ основанія и годъ юбилея; по угламъ штандартовъ, по бѣлому атласному полю, вышиты серебромъ въ лавровомъ вѣнкѣ вензеля «Н» съ коронами; съ 4-хъ сторонъ полотна, по зеленому полю, надписи, сдѣланные серебромъ: «за отличіе противъ непріятеля въ сраженіи у Кацбаха 14 августа 1813 г.». На скобахъ слѣдующія надписи: «1651 А. М. Харьковскій казачій полкъ» «1813 года за отличіе и т. д.», «1851 годъ Его Королевскаго Высочества принца Фридриха Прусскаго Харьковскаго уланскаго полка такого-то дивизиона».

1 іюля, когда было положено праздновать день совершенія (?) двухсотлѣтія, въ послѣдній разъ были вынесены старые штандарты, заработанные на войнѣ; въ послѣдній разъ явились предъ полкомъ они, «ветхіе, порванные въ куски»¹⁾, чтобы послѣ быть погребенными въ арсеналѣ Кіевской крѣпости. Послѣ совершенія молебствія, произошла церемонія прибивки штандартовъ къ древкамъ и освященія ихъ. Предъ полкомъ прочитана слѣдующая милостивая Царская грамота:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій

и прочая, и прочая, и прочая,

НАШЕМУ Уланскому Его Королевскаго Высочества принца Фридриха Прусскаго полку.

По случаю совершившагося нынѣ двухсотлѣтія со времени учрежденія, въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, изъ малороссійскихъ казаковъ Харьковскаго слободскаго полка,

¹⁾ Квитанція Кіевского арсенала отъ 31 августа 1851 г., за № 412.

поступившаго въ послѣдствіи на сформированіе 1, 2 и 3-го дивизионовъ Уланскаго Его Королевскаго Высочества принца Фридриха Прусскаго полка, МЫ Всемилоостивѣйше жалуемъ дивизионамъ сямъ, въ память этого событія, новыя Георгіевскіе штандарты съ надписью подъ орломъ «1651—1851».

При семъ сохраняется и существующая на прежнихъ штандартахъ надпись: «за отличіе противъ непріятеля въ сраженіи у Кацбаха 14 августа 1813 г.».

ПОВЕЛѢВАЕМЪ: штандарты эти, у сего препровождаемые, освятивъ по установленію, употреблять на службу НАМЪ и отечеству съ вѣрностью, усердіемъ и храбростью, толику воинству НАШЕМУ свойственными».

На подлинной собственной Его Императорскаго Величества рукою написано: Петергофъ 27 іюня 1851 года.

„НИКОЛАЙ“

Съ этого года, вторично уже, полкъ на нѣкоторое время потерялъ свое коренное названіе «Харьковскій»: въ царствованіи Императора Николая Павловича полки, у коихъ шефами были члены императорской фамиліи, иностранные короли и принцы, а также и русскіе фельдмаршалы, именовались лишь по ихъ именамъ. Но утрата полкомъ вѣковаго названія, впрочемъ, продолжалась не долго: чрезъ 6 лѣтъ (Высочайшій приказъ 19 мая 1857 года) Императоръ Александръ II для увѣковѣченія памяти оказанныхъ полками подвиговъ, такъ тѣсно связанныхъ съ ихъ именами, приказалъ возвратитъ имъ прежнія коренныя названія.

Вмѣсто Земенскаго, Высочайшимъ приказомъ отъ 12 ноября 1854 года, командиромъ Харьковскаго полка (хотя полкъ въ то время и не такъ именовался, но будемъ звать его прежнимъ именемъ) былъ назначенъ Полковникъ Станковичъ изъ Уланскаго Эрцгерцога Австрійскаго Альберта полка. Платонъ Михайловичъ Станковичъ происходилъ изъ русскихъ дворянъ Екатеринославской губ., воспитаніе получилъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Выпущенный (1823 годъ) офицеромъ

въ Мариупольскій гусарскій полкъ, онъ перешелъ потомъ въ Литовскій уланскій. Съ первыхъ-же шаговъ онъ заявилъ себя человѣкомъ трудолюбивымъ и ревностнымъ служакою; кавалерійское дѣло изучилъ онъ до тонкостей. Извѣстный съ этой стороны высшему начальству, Платонъ Михайловичъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ въ составъ комитета для обсужденія способа ремонтаванія кавалеріи и вскорѣ былъ назначенъ его дѣлопроизводителемъ (1853 годъ). Вначалѣ въ комитетъ онъ былъ собственно посланъ для личнаго доклада и объясненія изобрѣтеннаго имъ кавалерійскаго ленчика. Комитетъ нашелъ его превосходнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Отлитое чугунное его лекало было представлено на благоусмотрѣніе Государя. Николай Павловичъ, раздѣляя мнѣніе комитета, утвердилъ проэктъ, и приказомъ военнаго министра (30 окт. 1853 годъ) ленчикъ этотъ былъ введенъ во всей кавалеріи: на немъ она ѣздила болѣе 30 лѣтъ, и онъ лишь недавно сошелъ со сцены, будучи замѣненъ еще лучшимъ теперешнимъ сѣдломъ, окончательно устранившимъ возможность набиванія лошадей. Съ 1834 года наша легкая кавалерія ѣздила на сѣдлахъ въ родѣ венгерскаго, но онѣ были очень неудобны во всѣхъ отношеніяхъ, а главное, постоянно набивали спины лошадей, особенно холки, своею низкою, наклоненною на передъ лукою. Полковникъ Станковичъ изобрѣтеніемъ своего прекраснаго ленчика оказалъ кавалеріи неоцѣненную услугу: его новое легкое сѣдло, основательно обдуманное и устроенное сообразно складу лошадинаго корпуса, избавило лошадей, хотя и не совершенно, отъ набиванія спинъ и было очень удобно для ѣзды, но требовало много времени и особенной тщательности при сѣдловкѣ. Ленчикъ Станковича былъ оцѣненъ по достоинству всѣми кавалеристами и послѣ трехлѣтняго испытанія былъ принятъ и введенъ во всей кавалеріи. Гвардейская дивизія была первая посажена на новыя сѣдла¹⁾ предъ ея походомъ въ 1855 году.

¹⁾ П. А. Ивановъ. Рус. кав. . 281.

Нѣсколько поздно введенъ былъ этотъ ленчикъ потому, что, послѣ его утвержденія, почти вся наша кавалерія была на походѣ. Новое сѣдло со всѣмъ ременнымъ приборомъ обходилось не дорого—10 р. 14 к., и срокъ его былъ положенъ восьмилѣтній. Хорошею практикою для Станковича, гдѣ онъ дѣлалъ свои наблюденія, чтобы послѣ такъ блестяще примѣнить ихъ къ дѣлу, были войны—турецкая, польская и венгерская. Въ нихъ онъ заявилъ себя также, какъ храбрый и отличный офицеръ, и многія ордена были ему наградою. Станковичъ былъ необыкновенный знатокъ кавалерійскаго дѣла и замѣчательно дѣятельный человѣкъ. Онъ своимъ опытомъ и знаніемъ приходилъ постоянно на помощь эскадроннымъ командирамъ. Будучи холостъ, онъ все свое время посвящалъ службѣ и доведенію полка до высокаго совершенства. Ревностная его служба постоянно обращала на себя вниманіе начальства, и онъ, на второмъ году командованія полкомъ, былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора, оставаясь послѣ того еще 6 лѣтъ командиромъ полка.

Приказы Станковича—это цѣлая литература, гдѣ онъ самымъ подробнѣйшимъ образомъ объяснялъ подчиненнымъ все, прилагалъ чертежи, руководилъ и наставлялъ. Осмотрѣвъ эскадроны по принятіи полка и оставшись ими вполне доволенъ, онъ отдалъ такой приказъ:

«Опытъ продолжительной моей службы въ кавалеріи разумляетъ, что скребница и щетка въ рукахъ старательныхъ людей дѣлаютъ большую помощь употребляемому корму. Лошади 3-го эскадрона (Ротмистра Базаровскаго, которымъ онъ остался особенно доволенъ) нагрѣты чистою, отчего въ большей части эскадрона шерсть почти лѣтняя (смотри дѣлался въ январѣ), коротка, плотно прилегаетъ къ тѣлу и лоснится. Содержаніе лошадей въ этомъ эскадронѣ хорошо, какъ и въ прочихъ, но я не замѣтилъ ни одной лошади съ брюхомъ, обремененной лишнею ношею. Этотъ недостатокъ устраняется аккуратною и постоянною ѣздою, отчего лошади въ корпусѣ

имѣютъ приблизительно видъ цилиндра, что составляетъ предметъ искуснаго содержанія. Хотя эскадронъ Ротмистра Базаровскаго средній и не отборный, но кажется, что въ этомъ эскадронѣ лошади самыя лучшія въ полку. Въ контрастъ этому эскадрону я долженъ поставить эскадронъ № 4, который, хотя тоже сытъ, какъ и прочіе, но продолжительный настой надѣлалъ такихъ корытницъ подъ брюхомъ, что, если послѣдуетъ внезапный походъ, то лошади будутъ сподружены, а если послѣдуетъ смотръ высшаго начальства, то Штабсъ-Ротмистръ Рачинскій не пощеголяетъ посадкою нижнихъ чиновъ, потому что лошади будутъ посѣданы на передъ, и ѣздоки сдвинутся на чемоданы»¹⁾).

Станковичъ требовалъ, чтобы лошади работали ежедневно и по этому поводу писалъ:

«Положительно дознано и всѣ кавалеристы согласны, что лошадь, ежедневно употребляемая въ ѣзду, привыкаетъ къ подвижности, легче переноситъ усиленный трудъ и менѣе подвергается внутреннимъ болѣзнямъ. Гг. офицеры остаются въ убѣжденіи, что лошадь только тогда бережется, когда стоитъ безъ движенія и пухнетъ отъ настоя»²⁾).

Дѣлая смотръ одному эскадрону, Станковичъ нашелъ въ немъ множество лошадей какъ-то осторожно и съ опасеніемъ ступавшихъ, казавшихся поэтому разбитыми на ноги и просившимися сильно въ бракъ. Эскадронный командиръ недоумѣвалъ и не могъ найти этому объясненіе, какъ и другіе старшіе офицеры въ полку. Станковичъ долго доискивался причины и нашелъ. Онъ началъ расчищать копыта, кои по-видимому, были здоровы. Глубоко срѣзавъ рогъ, онъ обнаружилъ гніеніе стрѣлокъ, дошедшее до мяса, но положительно невидимое при наружномъ осмотрѣ. Всѣ лошади были росчищены до того, что не могли стоять, а лежали. Но чрезъ нѣкоторое время рогъ отросъ и огрубѣлъ, лошади начали смѣло ходить и не казались уже разбитыми и подлежащими браку.

¹⁾ Приказъ по полку 1855 г., № 13.

²⁾ Ibidem 1860 г., № 235.

Въ приказахъ своихъ Станковичъ давалъ постоянно подробнѣйшія наставленія для обученія ѣздѣ и выѣздкѣ лошадей. Если бы все это собрать, то вышло бы прекрасное руководство. Все у него дѣлалось точно и аккуратно, но безъ скучнаго и томительнаго педантизма. Ёзда въ манежѣ, напр., производилась по минутамъ; на стѣнкахъ его дѣлались разныя замѣтки и точно вымѣривались разстоянія. За бѣгомъ лошади слѣдили по секундной стрѣлкѣ и, сообразно наблюденіямъ, убавлялось, или прибавлялось «стремленіе аллюровъ». По его требованіямъ, лошадь должна была въ минуту при манежной ѣздѣ пробѣгать рысью 100 сажень, галопомъ 133 и *одинъ* арш.¹⁾ и т. п. и т. п., все точно и ясно. Но, рядомъ съ этимъ, Станковичъ не былъ далеко что называется «ремешекъ». Онъ входилъ самъ рѣшительно во все, дѣлалъ частые осмотры эскадроновъ и даже самъ указывалъ кому бриться и какъ бриться, какъ отращивать бакенбарды. Всѣхъ-же бакенбардистовъ переводилъ въ лейбъ-эскадронъ²⁾).

Въ обращеніи со своими подчиненными Станковичъ былъ милъ и простъ. Въ его обширныхъ и подробныхъ до мелочей приказахъ нѣтъ ни выговоровъ, ни колкостей. Онъ никогда не предавалъ гласности и не выставялъ на смѣхъ проступковъ офицера, что, дѣлая ихъ извѣстными, такъ подрываетъ дисциплину, основанную, главнымъ образомъ, на уваженіи. Онъ не накладывалъ взысканій на подчиненныхъ ему молодыхъ офицеровъ, на что такъ не скупился его предшественникъ, Полковникъ Земенскій. Этотъ командиръ сажалъ на недѣлю офицера подъ арестъ за то, что тотъ былъ на ярмаркѣ безъ эпoletъ, на 8 сутокъ—за кратковременную отлучку, а командира эскадрона, съ согласія котораго уѣзжалъ его офицеръ,—на 3 сутокъ за то, что не донесъ³⁾).

Станковичъ-же предпочиталъ, призвавъ проштрафившагося

¹⁾ Ibidem, 1859 г., № 40.

²⁾ Ibidem № 62.

³⁾ Ibidem, 1852 г., № 141.

офицера къ себѣ на квартиру, сдѣлать ему отеческое наставленіе глазъ на глазъ, а не компрометировать его предъ цѣлымъ полкомъ, и эта система несравненно лучше достигала цѣли. Станковичъ не напускалъ на себя олимпійскаго величія, не пѣтушился. Будучи любезенъ и простъ, онъ держалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, себя съ достоинствомъ, и въ немъ чувствовался добрый человѣкъ, готовый придти ко всякому на помощь, и начальникъ, который-бы не потерпѣлъ и не позволилъ ничего, выходящаго изъ границъ должнаго. Въ своихъ подчиненныхъ онъ видѣлъ только товарищей и очень любилъ ихъ. Онъ ясно отражается вотъ въ слѣдующемъ приказѣ:

«Поздравляю товарищей сослуживцевъ ввѣреннаго мнѣ полка съ новымъ годомъ. Да подкрѣпитъ Богъ силы наши на службу Царю и Отечеству и ниспошлетъ намъ торжество надъ врагами нашими! Съ этою мыслию предлагаю эскадронамъ помолиться Господу Богу о ниспосланіи намъ по сердечному и душевному нашему желанію... Раздать нижнимъ чинамъ по чаркѣ вина на мой счетъ, чтобы выпили съ полнымъ желаніемъ за общее здоровье—царское и солдатское съ дружнымъ крикомъ Ура! Да будетъ откликъ этотъ сигналомъ побѣды тамъ, гдѣ укажетъ воля Великаго Царя!»¹⁾

О солдатахъ-же онъ заботился неусыпно: требовалъ человѣческаго обращенія съ ними, но, рядомъ съ тѣмъ, былъ и строгъ, когда то было нужно. Присматриваясь долго къ своимъ эскадроннымъ командирамъ, онъ пришелъ къ заключенію, что офицеръ, командовавшій 5 эскадрономъ, при обученіи нижнихъ чиновъ «не имѣетъ должнаго терпѣнія объяснять изустныя правила—свойство, необходимое для командира части». И за неимѣніе этого «свойства»—Станковичъ отрѣшилъ отъ командованія эскадрономъ нетерпѣливаго офицера²⁾.

Выказывая на каждомъ шагѣ чисто отеческую заботу, Станковичъ обратилъ вниманіе на жизнь семейныхъ солдатъ,

¹⁾ Ibidem, 1856 г., № 1.

²⁾ Ibidem, 1859 г., № 50.

какихъ въ полкахъ въ то время было очень много. До Станковича разрѣшеніе на женитьбу давалось всѣмъ желающимъ очень легко—отказа не было: онъ-же ввелъ другой порядокъ: эскадронные командиры обязаны были тщательно наводить справки, на комъ женятся солдаты и позволяютъ-ли имъ средства содержать семью. И только сообразуясь съ этимъ, могли даваться разрѣшенія на женитьбу. Станковичъ, на основаніи долгихъ наблюденій, убѣдился, что солдаты женятся въ силу лишь «прихоти», безъ всякой мысли о будущемъ, и что семейная жизнь солдатъ безъ средствъ способствуетъ тому, что они впадаютъ «въ грусть и пьянство». Случаи, что солдаты считались браками «съ женщинами безпріютными бродягами дурного поведенія» были почти постоянны. Женились, по большей части, солдаты молодые, не прослужившіе и 5 лѣтъ, ни мало не заботясь о томъ, куда можетъ забросить ихъ судьба и что будетъ съ семействами, оставшимися безъ хлѣба и пріюта. По справедливому замѣчанію Станковича—женщины, наполняющія кабаки, по большей части, солдатки и что солдатскіе браки лишь плодятъ нищихъ и даютъ хорошій заработокъ кабатчикамъ. За всѣмъ наблюдавшій Станковичъ не разъ разспрашивалъ солдатокъ о причинѣ ихъ дурного поведенія, и онъ обыкновенно объясняли его тѣмъ, что ихъ бросили мужья, или что онѣ ихъ бросили вслѣдствіе невозможности существовать вдвоемъ, а то и съ дѣтьми, на одинъ лишь солдатскій паекъ. И это была тогда обычная перспектива браковъ нижнихъ чиновъ. Но охотниковъ жениться, не смотря на поучительные примѣры, являлось такое множество, что, еслибы только позволить всѣмъ, говорить Станковичъ, то, при выступленіи полка въ походъ, коннымъ мужьямъ сопутствовала-бы пѣшая колонна женщинъ, только чѣмъ бы она питалась? Не охотно, вообще, Станковичъ позволялъ солдатамъ жениться и говорилъ, что на службу ему, солдату, нѣтъ основаніе дѣлать того, такъ какъ по ея окончаніи (20 лѣтъ до безсрочной отставки) солдатъ являлся

сорокалѣтнимъ мужчиною, «когда и есть настоящая пора жениться». Станковичъ былъ самъ старый холостякъ, за 50 лѣтъ—не хотѣлъ-ли онъ совращать и другихъ въ свою ересь! Въ примѣръ легкомыслія Станковичъ приводитъ одного солдата, явившагося къ нему упрашивать о разрѣшеніи жениться: на убѣжденіе не дѣлать того зря, безъ средствъ, уланъ отвѣтилъ, что и «ему самому уже теперь не хочется и онъ радъ-бы не жениться, да жалъ 3 рублей, потраченныхъ на магорычъ», т. е., на попойку при обрученіи. Послѣ этого случая въ приказѣ по полку незамедлительно появилось запрещеніе устраивать обрученіе до разрѣшенія на женитьбу, и Станковичъ нетерпѣливымъ женихамъ грозилъ поркою, равно и сватамъ (ими непременно должны были быть товарищи), кои обыкновенно слѣшили все оборудовать, лишь бы устроить приличную случаю попойку. Лишь тому солдату, котораго семейство невѣсты, при томъ достаточное, соглашалось принять, какъ сына, давалъ свое разрѣшеніе на женитьбу Станковичъ. И этою разумною мѣрою онъ ни мало сдѣлалъ добра.

Когда случались побѣги нижнихъ чиновъ, онъ старался доискаться истинной причины, побудившей солдата къ тому, и устранить ее на будущее время. Этимъ онъ достигъ того, что ему отдана была даже благодарность отъ начальства, что въ Харьковскомъ полку число побѣговъ было на много ниже считавшагося нормальнымъ и на одну треть меньше, чѣмъ въ другихъ полкахъ дивизіи ¹⁾.

Замѣчательно, что въ 50-хъ годахъ въ полкахъ было среди офицеровъ очень много не русскихъ, особенно поляковъ. Напр., въ 1852 году изъ 50 офицеровъ Харьковского полка православныхъ было лишь 40%, т. е., меньшинство; больше всего было католиковъ—22 человека, считая командира полка (Земенскій), т. е., 44%. Далѣе лютеранъ было 2, магометанъ 6, православныхъ лишь 20. Полкъ былъ не

¹⁾ Ibidem, 1857 г., № 4.

русскій, и не русская рѣчь во фронтѣ была дѣломъ обычнымъ. Подобное явленіе продолжалось очень долго, пока, особенно въ 60-хъ годахъ, всѣ эти чуждые намъ элементы куда-то не ступевались ¹⁾.

Въ 1855 году свирѣпствовавшая холера унесла изъ рядовъ полка 130 человекъ; кромѣ того, господствовали и другія болѣзни—тифъ, горячки и т. п., такъ что 183 человека умерло въ полку въ этотъ годъ. Отъ холеры умерли старшій врачъ и два офицера. Противъ эпидеміи боролись сильно и принимали разныя мѣры: между прочимъ, нижнимъ чинамъ для поддержанія здоровья предписано было давать ежедневно патошакъ по чаркѣ водки, настоянной на горькихъ травахъ. Съ 23-го іюня по 7 іюля, когда эпидемія особенно была сильна, дачу вина усилили до 1½ чарки въ день ²⁾.

Въ 1858 году введена была зимняя, очень красивая одежда для офицеровъ, подъ названіемъ «уланка», которою положено было носить всегда съ эполетами съ 15 сентября по 1 мая. На заведеніе первой уланки Государь пожаловалъ каждому офицеру надлежащее количество плюша. Уланка дѣлалась съ откладнымъ плюшевымъ воротникомъ, такими-же лацканами, обшлагами, карманами и вся на плюшевой подкладкѣ по цвѣту полка; со шнурами, застегивавшимися сзади, (сходными съ гусарскими ментшикетами), золотыми и серебряными по прибору полка.

Въ жизни полка за этотъ періодъ особенно ничего не случилось—онъ продолжалъ кочевать, часто перемѣняя стоянки, вращаясь по большей части въ Царствѣ Польскомъ, Вольнской, Подольской и Кіевской губ., держась ближе къ границамъ: ходилъ по кампанентамъ и отбывалъ смотры (въ 1852 году царскій подъ Варшавою). Харьковцамъ не пришлось принять участіе въ Восточной войнѣ въ виду того, что двусмысленное поведеніе Австріи заставляло держать, на

¹⁾ Мѣс. рап. пол. и форм. спис.

²⁾ Мѣс. рап. и прик. по пол.

всякій случай, войска въ Царствѣ Польскомъ, по ближе къ границѣ. Австрія удивила міръ своею черною неблагодарностью—она не только не явилась къ намъ на помощь въ трудную для насъ Восточную войну, что съдѣлала Россія въ 1849 году, но даже предвидѣлся разрывъ съ нею. Полки поэтому держались въ полной готовности выступить въ походъ. 21 октября 1854 г. по повелѣнію гр. Паскевича, въ силу со дня на день ожидавшагося объявленія войны, Харьковскій полкъ выступилъ изъ г. Ровно въ г. Красноставъ. Отъ м. Клевани полкъ погнался форсированнымъ маршемъ къ кр. Замостье, но вскорѣ маршрутъ былъ переимѣненъ еще разъ. Харьковцевъ поставили на тѣсныя квартиры въ м. Любомль (Волынской губ.), откуда въ слѣдующемъ году перевели ихъ на тѣсныя-же квартиры въ Дубенку, гдѣ уже такъ часто приходилось бывать. Лишь въ іюнѣ 1856 года, когда улеглись бурныя волны политическаго моря, полкъ, отбывъ царскій смотръ въ Холмѣ, направился на зимнія квартиры въ г. Проскуровъ (Подольской губ.).

Послѣ Крымской войны, выставившей многія недостатки нашей арміи, началась коренная реформа, коснувшаяся и армейской кавалеріи. Она была сильно уменьшена упраздненіемъ нѣкоторыхъ частей и сокращеніемъ числа эскадроновъ въ полкахъ съ 8 на 6,—(4 дѣйствующіе и 2 резервные), при 15-ти рядномъ составѣ въ мирное и 18 въ военное время¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ, была упразднена одномастность лошадей, что было въ полкахъ въ царствованіи Императора Николая I. Съ этого времени ремонтерамъ было позволено приводить лошадей всѣхъ мастей, даже пѣгихъ. Лошади ранжировались только по эскадронно по мастямъ, распредѣляя разномастныхъ и пѣгихъ къ болѣе подходящимъ; 1 эскадронъ, по возможности, составлялся изъ лошадей тѣхъ мастей, которая была основною въ полку, поэтому лошади лейбъ-эскадрона въ Харьковскомъ полку были сѣрыя.

¹⁾ Приказъ Воен. Мин. 1857г., № 12.

Лошади четырехъ основныхъ мастей имѣютъ свои отрицательныя и положительныя качества: гнѣдая—средней горячности и вынослива, сѣрая—горяча и вынослива, рыжая—очень горяча и пылка, вороная—лѣнива и болѣе подвержена болѣзнямъ.

Изъ Кіевской губерніи (Проскуровскаго повѣта с. Маньковка) полкъ направился въ Царство Польское; въ Варшавѣ, въ октябрѣ, долженъ былъ состояться Высочайшій смотръ. Выступивъ въ походъ въ апрѣлѣ и отбывъ въ Луцкѣ травяное довольствіе, полкъ прибылъ подъ Варшаву 28 іюля. Смотръ состоялся 11 и 12 октября. По окончаніи сбора полкъ направился въ Красноставъ, назначенный ему съ того времени стоянкою. Этотъ городъ хорошо уже былъ извѣстенъ Харьковцамъ по прежнимъ, неоднократнымъ его здѣсь пребываніямъ. Находятся онъ со своимъ уѣздомъ въ срединѣ Люблинской губ. и былъ нѣкогда любимымъ мѣстомъ пребыванія короля Владислава-Ягеллы. Въ самомъ городѣ расположились два эскадрона, занявъ казармы прежнихъ польскихъ кавалерійскихъ полковъ, расположенныхъ здѣсь по 1831 г. Казармы эти стояли на берегу р. Вепржъ, на крайнѣй городъ. Остальные эскадроны были расквартированы въ уѣздѣ по мѣстечкамъ. Они, впрочемъ, вслѣдствіе скоро наступившаго тревожнаго времени, часто бывали командированы въ Люблинъ, Замостье, Холмъ (Холмъ—въ сѣверо-западной части губерніи) и Яновъ (въ юго-западной).

3-й-же резервный дивизіонъ въ слѣдующемъ уже (1861) году былъ отдѣленъ отъ состава полка и выступилъ въ г. Гайсинъ.

По приходѣ въ Красноставъ, съ полкомъ разстался Г.-М. Станковичъ. Его смѣнилъ Полковникъ Гудима, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отрѣшенный отъ командованія полкомъ, вслѣдствіе допущенія нѣкой легкомысленной выходки, неумѣстной по обстоятельствамъ, при конѣхъ она произошла.

Высочайшимъ приказомъ отъ 22 іюня 1861 года командиромъ полка былъ назначенъ Фердинандъ Ермолаевичъ Баумгартенъ, изъ дворянъ Эстляндской губ. Службу онъ началъ въ Сумскомъ гусарскомъ полку, потомъ перешелъ въ Л.-гв. Гродненскій Гусарскій полкъ, въ которомъ и прослужилъ 20 лѣтъ. Баумгартенъ по прибытіи своемъ сразу-же заявилъ себя знающимъ, дѣлательнымъ, требовательнымъ и строгимъ начальникомъ. Сдѣлавъ смотръ всему полку, онъ нашелъ смѣлость и содержаніе лошадей удовлетворительными, за исключеніемъ 3-го эскадрона, въ которомъ лошади были изнурены и выдѣлялись своею худобою изъ всего полка. До этого печальнаго состоянія онъ дошелъ въ короткое время послѣ сдачи полка Станковичемъ, при которомъ въ немъ, какъ и въ прочихъ, все было въ такомъ состояніи, что вызывало лишь восторженные похвалы начальства. Баумгартенъ нашелъ, вообще, 3-й эскадронъ слабѣе другихъ по всемъ предметамъ строевого образованія и по хозяйству. Такъ какъ этотъ эскадронъ находился въ одинаковыхъ условіяхъ съ другими, то подобное его дурное состояніе новый командиръ отнесъ къ нераспорядительности Ротмистра Шелегова тѣмъ болѣе, что онъ командовалъ имъ уже нѣсколько лѣтъ. Баумгартенъ, прибывшій въ полкъ 24 августа, уже 31-го того-же мѣсяца отрѣшилъ Шелегова и предписалъ вступить вмѣсто него въ командованіе эскадрономъ Подполковнику Рынекому, оставаясь дивизионеромъ по прежнему. Баумгартенъ поручилъ ему «въ самомъ не продолжительномъ времени» довести эскадронъ до надлежащаго порядка. Вообще Полковникъ Баумгартенъ во все время своего командованія относился съ большою ревностью къ службѣ. Исполняя ее самъ со всею точностью, даже съ педантизмомъ, онъ въ то же время требовалъ того-же и отъ своихъ подчиненныхъ. Онъ не позволялъ офицерамъ отлучаться куда-бы то ни было изъ своихъ эскадроновъ, даже въ штабъ полка, безъ особаго каждый разъ на то позволенія, и требовалъ, чтобы они непременно ¹

¹) Прик. по пол. 1866 г. № 212.

занимались службою. Баумгартенъ старался также, въ заботѣ объ офицерахъ, искоренить развитую между ними азартную карточную игру. На ея процвѣтаніе въ Харьковскомъ полку обратилъ вниманіе даже намѣстникъ Царства, приказавъ арестовать Маіора Берко-Петровскаго, уличеннаго въ подобной игрѣ съ молодыми офицерами ¹).

¹) Ibidem.

Глава XXV.

Предвѣстники возстанія.—Привіятіє мѣръ противъ него.—Жизнь офицеровъ въ Красновѣ.—Столкновеніе съ мѣстной командой.—Усиленіе мѣръ предосторожности.—Ночь съ 10 на 11 января.—Первыя стычки.—Начало открытаго возстанія.—Положеніе войскъ среди враждебнаго населенія.—Отношеніе крестьянъ къ возстанію.—Образъ дѣйствія повстанцевъ.—Порядокъ довольствія.—Поиски бандъ.—Поведеніе русскихъ войскъ.—Преслѣдованіе бандъ по лѣсамъ и стычки съ ними.—Возстаніе утихаеъ.—Награды.—Измѣна рядового Павлова.—Состояніе лошадей.—Выступленіе изъ Красновѣ.—Назначеніе новаго шефа.—Командиры.

Въ Царствѣ Польскомъ, между тѣмъ, начались волненія и безпорядки, грозившіе принять серьезныя размѣры. Поляки, перенесшіе столько, казалось бы, поучительныхъ уроковъ исторіи, не успокоились и продолжали дѣлать несбыточные мечты. Нація эта, одаренная сангвиническимъ темпераментомъ и пылакою фантазією, въ своихъ поступкахъ всегда подчинялась болѣе имъ, чѣмъ холодному разсудку. Не вразумили легкомысленныхъ поляковъ даже печальныя послѣдствія 1831 года, и они, воспитанныя конфедераціями, рокошами и интригами, вѣчно царившими бывало въ Польшѣ, снова вступили на гибельный путь и начали готовить возстаніе. Не имѣя на то собственныхъ средствъ, они лишь довѣряли туманнымъ намекамъ Франціи о возможности съ ея стороны активной помощи. Иностранныя державы не въ первый ужъ разъ вводили поляковъ въ заблужденіе, подстрекая ихъ братья за оружіе изъ своихъ расчетовъ. Наполеонъ I, справедливо говорившій о полякахъ, что «cete nation porte sa ruine dans son caractère», поступалъ съ ними очень коварно. Онъ говорилъ имъ о возможности возстановленія Польши лишь только для того, чтобы пользоваться поляками, какъ

отличными солдатами, а ихъ страну, какъ военнымъ депо. И гибли безъ пользы и смысла сыны Польши въ легіонахъ цѣлыми тысячами въ знойныхъ пескахъ Египта, въ горахъ Испаніи, въ Италіи и въ снѣжныхъ равнинахъ Россіи. Они не понимали, что, жертвуя своими жизнями, лишь только служили стремленіямъ Наполеона положить свое нго на всѣхъ, и что онъ не сдѣлалъ-бы исключенія для ихъ отечества. Подготавливая возстаніе и ставя на карту все, поляки почти не скрывали своихъ намѣреній и на каждомъ шагѣ всячески раздражали наше правительство.

Первая манифестація произошла 8 февраля 1861 года въ Варшавѣ, гдѣ были сосредоточены всѣ дружины подготавливаемаго возстанія. Съ того времени все пошло crescendo— во всѣхъ костелахъ заиѣли революціонныя гимны, по улицамъ пошли церковныя демонстративныя процессіи, а безпорядки дошли до открытаго сопротивленія власти. По монастырямъ и костеламъ ксендзы, главные агитаторы волненій и интригъ, когда либо проехавшихъ въ Польшѣ, своими страстными рѣчами фанатизировали молящихся. Они, дѣлавшіе всегда изъ своей вѣры какой то католическій спортъ, театрално обставляли богослуженія и тѣмъ сильно дѣйствовали на душу поляковъ, склонныхъ вообще къ религіозной экзальтаціи. Все это привело власть (намѣстникъ—гр. Ламбертъ) къ необходимости объявить Царство на военномъ положеніи¹⁾ «для огражденія спокойствія мирныхъ жителей края и возстановленія общественнаго порядка».

Въ частяхъ войскъ, расположенныхъ въ Люблинской губ., были приняты слѣдующія мѣры предосторожности: на квартирахъ приказано было располагаться казарменнымъ порядкомъ и не менѣе одного эскадрона въ одномъ мѣстѣ. Если же, вслѣдствіе не имѣнія казармъ, часть вынуждена была мѣститься по квартирамъ, то она должна была держаться,

¹⁾ Прик. по 1-ой арміи 2 окт. за № 190. Военное положеніе скоро было отиѣнено, но послѣ введено снова. Прик. по войск. №№ 202 и 203.

по возможности, въ сборѣ, чтобы нижніе чины почевали въ избахъ по нѣсколько человекъ съ оружіемъ и патронами, увольнялись-бы со двора по нѣсколько вмѣстѣ, а офицеры, отлучаясь куда либо, должны были быть всегда въ походной формѣ, на готовѣ явиться къ своему посту. При полкахъ учреждены были военно-слѣдственные коммисіи¹⁾. Составленное было расписание лѣтнихъ занятій, по которому полку нужно было идти въ Варшаву, исполнено въ томъ году не было, и Харьковцы весь годъ оставались въ Красноставѣ. Хотя послѣ всѣхъ принятыхъ мѣръ безпорядки нѣсколько и уменьшились, но тайная пропаганда велась самымъ дѣятельнымъ образомъ; прокламаціи расклеивались по улицамъ и подбрасывались въ казармы. «Центральный Комитетъ» организовалъ и разсыпалъ по всему Царству «кинжалщичковъ», наемныхъ убійцъ. Они должны были слѣдить за точнымъ исполненіемъ приказаній подпольнаго правительства и терроромъ склонять къ возстанію людей благоразумныхъ.

По городамъ и мѣстечкамъ хотя и было тише и спокойнѣе, чѣмъ въ Варшавѣ, но отголоски броженія и безпорядковъ бывали и въ нихъ. Особенно они стали усиливаться со времени пресловутыхъ «пяти жертвъ», убитыхъ въ Варшавѣ во время столкновенія и послужившихъ поводомъ къ цѣлому ряду демонстрацій. Въ Красноставѣ Харьковцы также стали замѣчать, что вокругъ нихъ что-то дѣлается и что-то готовится. На стѣнахъ домовъ начали появляться возмутительныя воззванія, а духовенство въ праздничные дни пошло съ процессіями, и запѣлись гимны. Изъ Варшавы ежедневно стали приходить слухи все болѣе и болѣе тревожныя.

Жизнь полковая текла своимъ обычнымъ порядкомъ. Окончивъ свои денныя занятія, офицеры обыкновенно проводили время въ кондиторской (cukiernia) нѣкогого Швагеріуса, съ которымъ были въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Швагеріусъ этотъ былъ уже немолодой, добродушный человекъ, очеви-

¹⁾ Прик. по полку 1861 г., №№ 275, 280, 300 и 306.

децъ войны 1831 года и ея печальныхъ послѣдствій для края. Онъ не раздѣлялъ теперешняго броженія умовъ и не былъ участникомъ возстанія. Свою несолидарность съ ними онъ доказалъ, безкорыстно предупредивъ въ свое время Харьковцевъ объ угрожающей имъ опасности. Въ его кондиторской почти всѣ офицеры и столовались. Кормилъ онъ скверно, съ чѣмъ въ Красноставѣ приходилось мириться, но искупалъ добродушіемъ. На замѣчаніе посѣтителей, что обѣдъ приготовленъ на горькомъ маслѣ, Швагеріусъ самымъ наивнымъ образомъ обыкновенно отвѣчалъ: «потерпите, панове, его ужъ осталось немного».

Въ іюлѣ 1862 года офицеры, по обыкновенію, сошлись вечеромъ въ кондиторской, время шло въ болтовнѣ и игрѣ на билліардѣ. Въ десятомъ часу послышались вдругъ въ городѣ выстрѣлы. Всѣ выбѣжали на улицу. Первое, что бросилось въ глаза, была висѣщая на ручкѣ двери кукла съ перевязанной красною ниткою шеею, что должно было, конечно, знаменовать эмблему убійствъ, ожидавшихъ русскихъ. Со стороны-же костела, бывшего чрезъ площадь, за гауптвахтой, выстрѣлы продолжались, а въ городѣ, уже было засыпавшемъ, началось тревожное движеніе, вызванное такимъ необычнымъ обстоятельствомъ. Оказалось, что стрѣляли солдаты изъ оконъ казармы мѣстной команды. Капитанъ Ильковичъ, начальникъ ея, когда стали обнаруживаться безпорядки, а жители города начали держать себя съ войсками вызывающе и дерзко, держалъ послѣ зори свою команду въ полной готовности, на случай, если перейдутъ въ дѣло угрозы воззваній, находимыхъ имъ иногда даже въ казармахъ. Вечеромъ того дня по улицѣ шла толпа народа, и кто-то изъ нея выстрѣлилъ въ окно казармы. На это Ильковичъ отвѣтилъ нѣсколькими залпами, чтобы только показать, что онъ бодрствуетъ, такъ какъ ни раненыхъ, ни убитыхъ не было. Баумгартенъ немедленно явился на мѣсто для разбора, но ничего не могъ добиться. Ильковичъ увѣрялъ, что первый

выстрѣль послѣдовалъ изъ толпы безъ всякаго повода со стороны его подчиненныхъ. Толпа-же энергично протестовала, хотя несомнѣнно Ильковичъ не стрѣлялъ-бы безъ причины, зная, что эти залпы могли дорого ему обойтись. Донесли объ этомъ случаѣ въ Варшаву, откуда былъ присланъ для разслѣдованія адъютантъ Великаго Князя, Ротмистръ Корбевъ, но и онъ ничего не выяснилъ.

Случай этотъ заставилъ начальство послѣдовать примѣру Ильковича и принять мѣры предосторожности; полякамъ онъ показалъ, что, въ отвѣтъ на ихъ выстрѣль, мы готовы всегда послать имъ залпъ. Волненія усиливались. Назначались даже дни, когда должно было вспыхнуть открытое возстаніе. Но они проходили спокойно. Усиливая предосторожность, Полковникъ Баумгартенъ, назначенный военнымъ начальникомъ красноставскаго отдѣла, распорядился, чтобы ежедневно отъ эскадроновъ Харьковскаго полка, стоявшихъ при штабѣ, былъ назначаемъ дежурный конный взводъ. Онъ долженъ былъ съ 6-ти часовъ вечера до утренней зори находиться на городской площадѣ и посылать разъѣзды по ближайшимъ окрестностямъ. Отъ другого эскадрона назначался также взводъ, остававшійся въ конюшнѣ непосѣданнымъ, но бывшій наготовѣ¹⁾. По городу всю ночь ходили патрули. Офицерамъ Баумгартенъ предложилъ жить по нѣсколько человекъ на одной квартирѣ, держась вообще, по возможности, вмѣстѣ, особенно по ночамъ. Между тѣмъ, близость открытаго возстанія чувствовалось все болѣе и болѣе—его ожидали съ 1-го (новаго стиля) января 1863 года, когда долженъ былъ начаться рекрутскій наборъ. Но и этотъ день, къ удивленію, прошелъ спокойно. Центральный комитетъ назначилъ было возстаніе на мартъ, но рекрутскій наборъ ускорилъ дѣло: подлежащіе ему молодые люди, записанные въ конскрипціонные списки, уклонялись отъ него и бѣжали въ лѣса, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взятыхъ рекрутъ отбивали²⁾. Централь-

¹⁾ Приказъ по полку.

²⁾ Воев. Уч. арх. I, № 861.

ный комитетъ, вынужденный поспѣшить, постановилъ въ ночь съ 10 на 11 января напасть одновременно во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ царства на офицеровъ и солдатъ, особенно на первыхъ. Къ счастью, задуманное ночное нападеніе не удалось въ тѣхъ размѣрахъ, какъ на то рассчитывали. При нападеніи мятежниковъ въ разныхъ пунктахъ въ темную ночь на 11 января, солдаты наши, хотя и застигнутые въраспихъ, отбили ихъ стойко, съ самоотверженіемъ спасая своихъ офицеровъ. Особенно отличились въ ту ночь 2-я рота Смоленскаго пѣхотнаго полка въ м. Бодзентынѣ (Радомской губ.) и 15 казаковъ донскаго № 10 полка въ Юзефовѣ (Ординакомъ (Люблинской губ.)¹⁾.

Въ числѣ, конечно, городовъ, на кои положено было сдѣлать нападенія, былъ и Красноставъ. Случайное только обстоятельство спасло Харьковцевъ отъ угрожавшей имъ большой опасности. Баумгартенъ, еще за нѣкоторое время до возстанія, по предписанію начальства, прискалъ шпіона между жителями города. Среди польскихъ горячихъ патріотовъ обыкновенно не трудно было найти охотниковъ за золото дѣлаться свѣдѣніями. Въ томъ грѣшны были не только люди маленкіе, но и богатѣйшіе магнаты. Подкупы въ Польшѣ были до того всегда обыкновенны, что конвакаціонный сеймъ своимъ постановленіемъ (1661 годъ) утвердилъ даже позорную присягу для сенаторовъ и пословъ, что они не дадутъ себя подкупать иностраннымъ дворамъ²⁾. Примѣры такихъ подкуповъ въ исторіи были очень часты, и сами поляки вѣшали за измѣну своихъ епископовъ и гетмановъ.

Баумгартенъ розыскалъ такого шпіона въ лицѣ разнощика писемъ. Онъ сообщалъ командиру полка разныя новости и получалъ за то плату, смотря по важности. Но почталіонъ этотъ частенько и вралъ, ради полученія награды. 10 января, принеся рано утромъ письмо, онъ тайно

¹⁾ Прик. по войск. въ Цар. Поль. расп. 1863 г., № 17.

²⁾ Encyklopedia Powszechna... изд. 1891 г., ст. 1437.

объявилъ, что въ ночь этого дня на войска, расположенныя въ Красноставѣ, будетъ произведено нападеніе шайкою повстанцевъ и что жителямъ приказано помогать имъ. Полковникъ, не разъ уже обманутый почталіономъ, не обратилъ особеннаго вниманія на его сообщеніе. Но къ вечеру доносъ началъ подтверждаться свѣдѣніями отъ другихъ лицъ. Чѣмъ больше время шло къ вечеру, тѣмъ замѣтнѣе становилось въ городѣ что-то необычное, какъ будто бы онъ къ чему-то готовился; магазины, напр., начали закрывать очень рано, хотя тотъ день не былъ кауномъ праздника. Бродившій по городу Ротмистръ Ангуласъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство и за объясненіемъ направился къ Швагеріусу. Его онъ засталъ блѣднымъ и дрожащимъ отъ волненія. На вопросъ, почему магазины закрылись такъ рано, Швагеріусъ, тревожно осмотрѣвшись кругомъ и заперевъ дверь, шепотомъ сказалъ, что изъ уваженія и любви къ офицерамъ, желая ихъ спасти, онъ предупреждаетъ, что въ ту ночь по всему Царству назначено напасть на русскихъ. Показаніе свое онъ подтвердилъ клятвою. Получивъ такое важное извѣстіе, ротмистръ поспѣшилъ довести его до свѣдѣнія командира полка.

Полковникъ Баумгартенъ къ тому времени получилъ уже обо всемъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія: ему донесли, что въ верстахъ въ 6 отъ города, около одной корчмы начали собираться мужики съ ружьями и косами, и что женщины плача, прощаются съ ними. Послѣ того Баумгартенъ уже не сомнѣвался. Онъ тайно приказалъ эскадронамъ осѣдлать лошадей, быть въ полной готовности и при первыхъ звукахъ тревоги спѣшить на сборный пунктъ, на городскую площадь. Предпринять что либо для поимки повстанцевъ и напасть на нихъ полковникъ не могъ, такъ какъ о всякомъ шагѣ нашимъ жители Красностава знали и предупредили-бы мятежниковъ. Оставалось лишь ждать нападенія и, будучи къ нему готовыми, нанести имъ пораженіе.

Время шло въ напряженномъ ожиданіи ночи, которая готовилась быть очень темною. Какъ вдругъ, часу въ 9-мъ вечера въ городѣ раздался выстрѣлъ, нарушивъ собою полнѣйшую тишину, въ которую онъ погрузился, не смотря на раннее время. Не успѣли замереть звуки выстрѣла, какъ тишина снова нарушена была сигналомъ кавалерійской тревоги. Игралъ ее трубачъ на всемъ скаку, мчась отъ квартиры командира полка въ казармы эскадроновъ. Баумгартенъ, принявъ выстрѣлъ за начало, приказалъ трубить тревогу. Спустя нѣсколько минутъ эскадроны съ шумомъ и звономъ вылетѣли на площадь и остановились, не зная что имъ далѣе дѣлать—ни гдѣ не видно было ни души, городъ по прежнему оставался безмолвнымъ. Долго стояли уланы на площади, повстанцы не показывались, а посланные за городъ разъѣзды донесли, что и тамъ нѣтъ никого. Впослѣдствіе выяснилось, что одинъ красноставецъ, пробираясь изъ города къ повстанцамъ, зашелъ по дорогѣ въ корчму и, выпивши тамъ, вѣроятно, лишнее, при выходѣ споткнулся, и его ружье выстрѣлило. Этотъ-то выстрѣлъ и былъ причиною тревоги. О ней жители не замедлили, конечно, предупредить собравшихся за городомъ повстанцевъ, и они, видя, что намѣреніе напасть въ располхъ ужъ не удастся, заблагоразсудили скрыться въ ближайшихъ лѣсахъ. Ночь прошла спокойно, хотя всѣ русскіе и провели ее въ напряженномъ состояніи.

Благодаря этимъ обстоятельствамъ и счастливому выстрѣлу пьянаго повстанца, Харьковцы избѣгнули нападенія, хотя оно особенно страшно и небыло уже для нихъ, такъ какъ они къ нему были готовы. Почталіонъ, предупредившій командира, получилъ отъ него приличное вознагражденіе, но дорого заплатился за свое иніонство: онъ былъ вскорѣ найденъ повѣшеннымъ повстанцами, какъ-то узнавшими о его предательствѣ¹⁾.

¹⁾ Письмо Г.-М. Баумгартена къ автору.

Въ ту-же ночь Полковникъ Эмановъ (командиръ конной казачей батареи № 1, расквартированной вмѣстѣ съ 1-мъ эскадрономъ Харьковцевъ въ г. Холмѣ) выслалъ взводъ уланъ подѣ начальствомъ Корнета Бѣдковского въ д. Малая-Буковая. О собиравшейся надѣ головами русскихъ грозѣ въ ночь на 11 января ни въ Яновѣ, ни въ Холмѣ ничего не знали, но эти города, впрочемъ, и не подвергнулись почему-то нападенію. Эмановъ, состоя военнымъ начальникомъ Холмскаго уѣзда, выслалъ Бѣдковского арестовать помѣщика Богдановича, жившаго въ своемъ имѣніи въ упомянутой деревнѣ. Ему было извѣстно, что у Богдановича постоянно съѣзжаются подозрительные люди и что онъ, вообще, былъ однимъ изъ самыхъ рьяныхъ заговорщиковъ, послѣ даже «dowódeca» (предводитель) банды. Эмановъ выслалъ уланъ въ 10 часовъ вечера, чтобы произвести арестъ неожиданно. А въ ту ночь въ назначенныхъ пунктахъ повсюду собирались повстанцы. Усадьба Богдановича была назначена такимъ сборнымъ пунктомъ, и Корнетъ Бѣдковский, ничего не подозрѣвая, шелъ со своими уланами безъ всякихъ предосторожностей и прибылъ въ усадьбу, когда шайка была уже въ полномъ сборѣ. При входѣ во дворъ, уланы подвергнулись нападенію—на нихъ въ совершенной темнотѣ ударили повстанцы. Раненъ былъ косою ¹⁾ въ голову и ногу корнетъ и еще нѣсколько уланъ. Не смотря на неожиданность, Харьковцы отбивались стойко. При этомъ отличили себя храбростію и были послѣ награждены за то георгіевскими крестами унтеръ-офицеръ Федотъ Алексѣевъ, рядовые Афанасій Захарченко и Иванъ Степановъ.

Отступя въ поле за усадьбу, корнетъ послалъ донесеніе Эманову. Часа въ 2 ночи явился изъ Холма Эмановъ съ остальными тремя взводами Харьковцевъ и 2-мя орудіями. Но

¹⁾ Обыкновенную косу прикрѣпляли къ длинному древку такимъ образомъ, чтобы она приходилась на одной прямой съ нимъ. Получалось большое и своеобразное копье. Дѣлались также прямые обоюдоострые ножи, закругленные на концѣ, длиною около $\frac{3}{4}$ арш., шириною 2 пер. Этотъ ножъ насаживался на древко, съ другого конца котораго былъ придѣланъ крюкъ для стаскиванія кавалеристовъ съ лошадей.

банды уже не застали—она ушла въ ближайшіе лѣса, домъ же помѣщика оказался пустымъ ¹⁾.

Черезъ нѣсколько дней, 15 января, около той-же Малой-Буковой полуэскадронъ (1-го эскадрона) участвовалъ въ стычкѣ подѣ начальствомъ Штабсъ-Ротмистра Рогозинскаго (у него былъ еще взводъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка) съ шайкою Богдановича, ускользнувшего отъ ареста, благодаря лишь неудачно назначенному для того времени. Въ этотъ день было захвачено 25 лошадей, 10 повозокъ, 4 сѣдла, 61 коса и взято въ плѣнъ 6 повстанцевъ.

Возстаніе возгорѣлось по всему царству, банды появились всюду. По Высочайшему повелѣнію приказано было судить мятежниковъ, кои будутъ взяты съ оружіемъ въ рукахъ, на мѣстѣ сокращеннымъ военнымъ судомъ и смертные надѣ ними приговоры утверждать и приводить въ исполненіе начальникамъ отдѣловъ.

Съ этого времени начинается постоянное хожденіе нашихъ небольшихъ отрядовъ по краю для открытія повстанцевъ. Эти поиски получили даже особенное названіе—обыкновенно говорили «идти въ экспедицію»; у поляковъ-же установилось другое своеобразное выраженіе—«ucieć do lasu» (убѣжать въ лѣсъ). Такъ говорилось у нихъ о пристающихъ къ возстанію, ибо всѣ банды формировались, скрывались и шатались по громаднымъ лѣснымъ дебрямъ, почти сплошь покрывавшимъ тогда территорію Царства, особенно Люблинской губ.; сбору въ лѣсахъ благопріятствовала необыкновенно легкая и безснѣжная зима того года. Множество несчастныхъ поляковъ, помимо своего желанія, повинуваясь только постановленіямъ «народоваго жонда» (razd narodowy), должны были принять участіе въ возстаніи съ оружіемъ въ рукахъ, будучи записаны въ ряды формировавшихся бандъ. Положеніе ихъ было безвыходное: не исполнить приказанія, отказаться отъ служенія въ бандахъ значило пасть жертвою тайнаго убійства «жандар-

¹⁾ Разсказъ Г.-М. Антулаева.

мѣвъ-вѣшателей», «мстителей» (въ Варшавѣ они назывались еще «кинжалщиками», «штилечниками»). Эти агенты жонда, совершивъ расправу съ несчастными жертвами политическаго заблужденія, прикалывали обыкновенно къ груди ихъ записки, гдѣ говорилось, что такой то, не исполнившій приказанія жонда, измѣнникъ, шпионъ, былъ судимъ и казненъ смертію по его повелѣнію. Вызывались даже бѣжавшіе за границу молодые люди подъ угрозою, что «мстители» найдутъ ихъ всюду. Предъ властью этою никому невѣдомаго революціоннаго правительства трепетали всѣ въ Польшѣ, уходили въ лѣса и поступали въ банды, поставляли въ нихъ оружіе и провизію, исполнялись всѣ вообще приказанія, лишь бы не навлечь на себя гнѣва незнавшаго милосердія жонда.

Тогда какъ папы и шляхта болѣе или менѣе добровольно пополняли ряды повстанцевъ, крестьяне, совершенно чуждые ихъ интересамъ, шли въ банды исключительно только страха ради.

Какъ не старались поляки придать своему возстанію характеръ народнаго движенія—имъ этого не удалось—большая половина ихъ національности не была солидарна съ меньшей, и названіе «народная справа» (*sprawa (długo) narodowa*) было совершенно неправильно и произвольно присвоено этой шляхетской затѣѣ. Тѣмъ не менѣе, много крестьянъ находилось въ бандахъ; они снабжали ихъ провизіею, перевозили на своихъ подводахъ повстанцевъ. Мстители и доводцы не церемонились съ хлопами—за малѣйшее ослушаніе они не только расправлялись съ отдѣльными личностями, но жгли цѣлыя селенія. Одинъ только страхъ предъ этимъ сдерживалъ крестьянъ перейти открыто на нашу сторону, тайно-же они не упускали случая вредить повстанцамъ, грабившимъ деревни, и подъ шумокъ съ удовольствіемъ указывали войскамъ мѣсто нахожденія бандъ.

Войска наши, расквартированные по городамъ и мѣстечкамъ, наполненнымъ враждебнымъ элементомъ, должны были держаться постоянно на сторожѣ и ежеминутно быть гото-

выми слѣзнуть въ тѣ пункты, гдѣ появлялись шайки мятежниковъ. Кромѣ того, почти половина всякой части шла на личное ея охраненіе, что очень утомляло войска. Въ Красновѣ, напр., кромѣ дежурныхъ взводовъ и патрулей, вокругъ города ставилась отъ уланъ аванпостная цѣпь¹⁾. Самыя военныя дѣйствія противъ многочисленныхъ шайкъ были очень трудны, въ силу тѣхъ неблагоприятныхъ условій, при которыхъ приходилось войскамъ дѣйствовать. Банда, открытая въ одномъ мѣстѣ, сдѣлавъ быстрый переѣздъ на крестьянскихъ подводахъ, появлялась въ другомъ. Скрывались шайки въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ разыскивать ихъ было нелегко, а окружить по обширности лѣсовъ—невозможно. Столкновенья бандъ съ нашими войсками, до чего, впрочемъ, доходило сравнительно нечасто, оканчивались обыкновенно пораженіемъ и разбѣганіемъ ихъ. Уничтожить-же шайку удавалось очень рѣдко. Потерявъ много убитыми и плѣнными, инсургенты прятались въ извѣстной только имъ чащѣ лѣсовъ, а послѣ сообрались снова въ условленномъ мѣстѣ. У повстанцевъ было заведено, что ближайшія деревни, при началѣ боя, должны были готовить подводы, на которыхъ они при неудачѣ разбѣжались въ разныя стороны. Но часто происходили и такъ: послѣ столкновенья прибѣгали въ деревни, прятали тамъ свое оружіе и съ любопытствомъ, преспокойно смотрѣли и кланялись нашимъ войскамъ, проходившимъ чрезъ нихъ. Это имъ тѣмъ болѣе дѣлать было удобно, что многіе одѣвались въ сермяги—«*po chlopsku*».

При полученіи извѣстій отъ лазутчиковъ и шпионовъ о появленіи банды, отряды слѣзали туда форсированнымъ маршемъ, но рѣдко находили ее въ указанномъ мѣстѣ. Повстанцы прекрасно знали о каждомъ нашемъ движеніи, во время предпріемаемые своими сторонниками, бывшими всюду. Помѣщики, проводивъ только что банду, опустошившую все въ ихъ усадьбахъ встрѣчали съ видомъ радунія русскихъ, давали, ио ихъ

¹⁾ Приказъ по полку.

требованіямъ, подводы, часто только что возвратившіяся изъ повстанскаго обоза: объ инсургентахъ-же отзывались полнымъ невѣдѣніемъ, а по уходѣ нашихъ войскъ спѣшили предупредить ихъ. Чиновники изъ мѣстныхъ жителей почти сплошь были сторонники возстанія, а въ ихъ помощи войска постоянно нуждались. Въ Красноставѣ былъ, напр., пѣкій жандармскій капитанъ; отъ него въ началѣ безпорядковъ Полковникъ Баумгартенъ требовалъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ уѣздѣ, но онъ ровно ни о чемъ не сообщалъ. На замѣчаніе начальника отряда, что въ уѣздѣ не спокойно, что помѣщики съѣзжаются и къ чему-то готовятся, капитанъ увѣрялъ, что все обстоитъ благополучно, а что помѣщикамъ слѣдуетъ только всыпать по 500, и все успокоится. И такъ было вездѣ. Подъ личиною покорности и несочувствія «справъ» все, что окружало войска, въ тайнѣ старалось вредить имъ. Все хитрило, низко кланялось, трепетало предъ жондомъ и его адъютантами, лавируя между ними и отвѣтственностью предъ законнымъ правительствомъ.

Во все время усмиренія возстанія, т. е., въ продолженіе болѣе года полкъ ни одного разу не дѣйствовалъ въ полномъ своемъ составѣ, даже ни разу его два эскадрона не участвовали вмѣстѣ въ одномъ отрядѣ. Въ разные мѣста, часто одновременно, ходили въ экспедиціи отряды пѣхоты, къ ней придавались орудія и взводы, полугэскадроны и рѣдко эскадроны. Были часто небольшіе отряды изъ одной только кавалеріи и съ конными орудіями. Полкъ Харьковскій даже собранъ былъ не вмѣстѣ—его эскадроны стояли въ Красноставѣ, въ Холмѣ и въ Яновѣ; часто они временно ходили и въ другіе города. Командировались также отряды для сопровожденія денежныхъ почтъ въ предѣлахъ Люблинскаго отряда и въ другихъ случаяхъ. Сообщеніе съ Варшавою было прекращено по причинѣ бродившихъ и грабившихъ по дорогамъ повстанцевъ: оно дѣлалось возможнымъ при «оказіяхъ», т. е., когда войска сопровождали кого либо.

Вслѣдствіе постояннаго раздробленія полка, изложить систематически ходъ военныхъ дѣйствій Красноставскаго военного отряда нѣтъ возможности, да это, впрочемъ, было-бы и лишнее. Измѣнялись составъ отрядовъ, мѣста, куда они ходили, дѣйствія-же ихъ были почти однообразны. Шайки, бродившія по краю, дѣйствовали безъ всякой между собою связи, безъ опредѣленнаго плана, безпренятственно и безнаказанно переходили австрійскую границу, бывшую по сосѣдству, и тѣмъ совершенно ускользали отъ преслѣдованія. Отрядъ нашъ нагонять бывало шайку и обыкновенно ее поколотить. Повстанцы-же, видя себя побѣжденными, спѣшно ретировались въ лѣса, гдѣ преслѣдовать ихъ было трудно, переходили границу, если сильно были тѣснимы. Австрійское правительство смотрѣло сквозь пальцы на кочеваніе вооруженныхъ отрядовъ вдоль границы и въ своихъ предѣлахъ, на формированіе бандъ, на склады оружія и провіанта. Въ Австріи разбитыя банды находили безопасный пріютъ и, устроившись тамъ, снова переходили на русскую территорію. Шайки состояли изъ людей плохо вооруженныхъ, едва умѣвшихъ обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое у повстанцевъ было до крайности плохо—хорошіе штуцера были рѣдкость. Только въ немногихъ шайкахъ люди были обучены нѣкоторымъ тактическимъ приемамъ, умѣли разсыпать стрѣлковъ и т. п. Кавалерія была нѣсколько лучше—она состояла изъ шляхтичей, сидѣвшихъ на хорошихъ лошадяхъ, хорошо заѣзданныхъ, и съ хорошимъ оружіемъ. Поляки всегда были прекрасные кавалеристы; конница ихъ славилась нѣкогда въ Европѣ, а знаменитые польскіе гусары были непобѣдимы.

Всякое столкновеніе съ бандою обыкновенно начиналось открытіемъ огня стрѣлками, ихъ поддерживали косиньеры. Преимущество, конечно, было всегда на нашей сторонѣ, такъ какъ войска наши были прекрасно обучены и вооружены хорошимъ парѣзнымъ оружіемъ. Небольшіе наши отряды легко разбивали банды, во много разъ превосходившія ихъ силою.

Если при отрядѣ находились орудія, то нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ заставляло банду разсѣиваться въ разныя стороны. Удара въ штыки повстанцы не выдерживали, и немного между ними находилось такихъ храбрецовъ, кои рѣшались выждать этого столкновенія. Благодаря мѣткости огня, множество повстанцевъ оставалось на мѣстѣ, пекунная смертью свои заблужденія, тогда какъ съ нашей стороны потери бывали обыкновенно самыя ничтожныя.

Небольшіе отряды, отправляемые въ экспедиціи, должны были, согласно приказамъ, снабжаться перевязочными средствами; при командированіи баталіона долженъ былъ найдти медикъ, фельдшеръ и наборъ хирургическихъ инструментовъ¹⁾. Но это исполнялось плохо, что будетъ видно изъ рассказовъ, приводимыхъ ниже; и наши раненые часто оставались безъ всякой медицинской помощи. Далѣе, команды, кои не могли брать съ собою продовольствія, снабжались по положенію сухарями и кормовыми деньгами на покупку припасовъ и водки (по 10 коп. въ сутки на человѣка), къ которымъ прибавлялось еще по 4½ коп. на покупку провіанта, когда истощался, или совсѣмъ не давался сухарный запасъ. Деньги на это и на покупку фуража выдавались авансомъ при отправленіи. Когда жители отказывались продавать команды припасы за деньги, или требовали слишкомъ высокой платы, то начальникъ, въ такомъ случаѣ, долженъ былъ, получивъ свидѣтельство отъ мѣстной власти, прибѣгнуть къ реквизиціонному способу, а деньги, или квитанціи выдавать жителямъ или властямъ подъ расписку, при отказѣ первыхъ принять ихъ. Прибѣгать къ реквизиціи разрѣшалось лишь только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ подъ отвѣтственностью начальниковъ командъ за всякіе безпорядки, производимые солдатами. Требовать все приказывалось преимущественно отъ помѣщиковъ, жителей городовъ и мѣстечекъ, какъ главныхъ виновниковъ возстанія²⁾.

¹⁾ Прик. по войскамъ. 1863 г., № 24.

²⁾ Ibidem.

Первое болѣе значительное дѣло, гдѣ Харьковцамъ пришлось принять участіе, произошло при столкновеніи съ бандою Нечая при м. Жулинѣ. Отрядъ, подъ начальствомъ Подполковника (Харьковского полка) Рынского, въ составѣ 2-хъ ротъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка, лейбъ-эскадрона Харьковцевъ, 10 казаковъ и 2 орудій, 8 февраля въ 7 часовъ утра выступилъ въ экспедицію изъ Красностава. Прибылъ онъ въ м. Дубенку поздно вечеромъ, пройдя безъ подвода 60 верстъ. Отдохнувъ немного и посадивъ пѣхоту на подводы, Рынской въ ту-же ночь двинулся далѣе. У д. Жулино была найдена значительная партія инсургентовъ, расположенная въ близлежащемъ лѣсу, на опушкѣ котораго повстанцы устроили засѣдки. Остановивъ отрядъ, Рынской выслалъ впередъ одно орудіе. Оно, подвезенное на 100 сажень къ засѣлкѣ, открыло картечный огонь, настолько дѣйствительный, что шайка, не выдержавъ, бѣжала въ глубь лѣса. Тогда пѣхота была пущена въ лѣсъ, а для пресѣченія отступленія два взвода Харьковцевъ поскакали по дорогѣ изъ Жулино въ Бжезинѣ. Уланы, поспѣвъ во время, преградили путь толпѣ, гонимой изъ лѣсу пѣхотой. Орудіе съ прикрытіемъ отъ уланъ, занявъ позицію на той-же дорогѣ, приняло картечью шайку, искавшую спасенія въ бѣгствѣ. Банда состояла изъ 500 человѣкъ, изъ нихъ спаслись только бѣжавшіе послѣ первыхъ картечныхъ выстрѣловъ. Въ плѣнъ попался самъ Нечайъ въ числѣ 22 человѣкъ; убито мятежниковъ было около 150 человѣкъ. Съ нашей стороны убитъ былъ 1 и ранены 3 нижнихъ чина. Отрядъ Рынского чрезъ Холмъ 11 февраля возвратился въ Красноставъ¹⁾. Полковникъ Баумгартенъ въ приказѣ по полку написалъ слѣдующее:

«Командированный 8 февраля въ составѣ подвижнаго отряда подъ начальствомъ Подполковника Рынского для преслѣдованія мятежниковъ въ окрестностяхъ Дубенки 1-й эскадронъ вполнѣ молодецки отличился при исполненіи своихъ обя-

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 861.

занностей въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля, за что пріятнымъ долгомъ поставлю себя Подполковнику Рынскому изъяснить мою искреннюю признательность, равно благодарить командира 1 эскадрона Ротмистра Памарнацкаго и гг. офицеровъ. Нижнимъ чинамъ, передавая душевное спасибо, дарю 25 рублей¹⁾.

Кромѣ того, изъ вырученныхъ денегъ отъ продажи вещей и лошадей, отбитыхъ у повстанцевъ, на долю 1-го эскадрона пришлось 67 р. 32 к., кои и были раздѣлены между его чинами, бывшими во фронтѣ. Все отбитое обыкновенно продавалось съ аукціоннаго торга и деньги дѣлились между частями войскъ, участвовавшихъ въ поражении. Въ числѣ отличившихся нижнихъ чиновъ при Жулино были три уланы—(Воломейцевъ, Страцевъ и Фареусъ), коимъ намѣстникъ Царства, за ихъ храбрость, простилъ тяготѣвшій надъ ними штрафъ: на эскадронъ было прислано 3 Знака Отличія Военнаго Ордена—они были возложены по приговору на вахмистра Сачу, унт.-офицера Вайццкаго и рядового Гуннина.

Поведеніе нашихъ регулярныхъ войскъ во время усмиренія возстанія было самое безукоризненное. Солдаты были проникнуты сознаніемъ собственного достоинства и не унижали себя до мести побѣжденному врагу, въ чемъ такъ несправедливо обвиняли заграницею наши войска. Хотя ожесточиться они могли легко. Что продѣлывали варшавяне по адресу русскихъ въ 1861—1862 годахъ, всѣмъ извѣстно. И только строгая дисциплина могла сдерживать тогда войска. Далѣе, безпрестанныя преслѣдованія шаекъ въ зимнее время, ночлеги въодь открытымъ небомъ, лишения, испытываемыя нашими солдатами—все это, казалось-бы, могло сильно ожесточить ихъ и побудить къ мести. Но это недостойное чувство не имѣетъ мѣста въ сердцѣ русскаго солдата, равно какъ и жестокость и стремленіе къ грабежу. Всего этого нельзя сказать о казакахъ, и въ разсказахъ очевидцевъ слы-

¹⁾ Прислано по полку 1863 г., № 44.

наться жалобы только на ихъ. Только они позволяли себѣ, по своему обыкновенію, всюду хозяйничать, если не сказать болѣе. Но регулярныя наши войска были на высотѣ своего призванія, и ихъ никто не посмѣетъ обвинять ни въ чемъ; даже поляки, не смотря на свое понятное пристрастіе, всегда говорятъ о нихъ съ должною справедливостію. Местъ не въ правахъ русскаго солдата, съ побѣжденнымъ врагомъ онъ ласковъ и добръ, а съ плѣнными обыкновенно дѣлается послѣднимъ кускомъ хлѣба. Вотъ примѣръ сознанія собственного достоинства и безкорыстія: при Харьковскомъ полку содержался нѣкоторое время подъ арестомъ юнкеръ Екатеринославскаго драгунскаго полка Рожановскій. Онъ бѣжалъ и присоединился къ партію мятежниковъ. На имя командира полка юнкеръ оставилъ письмо, прося по приложенному разсчету распорядиться съ деньгами, кои должны были получиться отъ его родныхъ. Между прочимъ, Рожановскій предназначилъ для трубачей Харьковскихъ 20 руб. Но уланы трубаческаго взвода, цѣня свое воинское званіе, не согласились принять ихъ отъ человѣка, нарушившаго честь и присягу. Пять уланъ-трубачей, безъ всякаго побужденія съ чьей либо стороны, явились къ командиру полка и просили его не назначать имъ этихъ денегъ. Объ этомъ похвальномъ поступкѣ нижнихъ чиновъ Баумгартенъ объявилъ въ приказѣ по полку и далъ отъ себя имъ 25 руб.

Въ мартѣ шайки появились рѣшительно на всемъ пространствѣ Люблинской губ. Онѣ, по большей части, выходили изъ за австрійской границы вполне организованными. Встрѣчи съ ними нашихъ войскъ имѣли характеръ отдѣльных стычекъ.

3-го марта изъ Австріи вышла галиційская шайка Чаховскаго племени въ 800 человекъ, и появилась въ южной части Яновскаго уѣзда. Банда состояла изъ пѣхоты, сравнительно хорошо вооруженной штуцерами, и уланъ съ пиками, саблями и пистолетами, и была извѣстна подъ именемъ «золотой банды», такъ какъ расплачивалась вездѣ золотомъ,

тогда какъ другія забирали все безъ всякой платы. Чаховскій направился на м. Тарногородъ и Наклинъ.

Противъ его Полковникъ Мѣдниковъ (командиръ Архангелогородскаго пѣх. п. и начальникъ Яновскаго военнаго отдѣла) выслалъ изъ г. Янова два отряда: одинъ подъ начальствомъ Капитана Завадскаго чрезъ Гуту Кжешовскую и д. Хорасюки—этотъ небольшой отрядъ состоялъ изъ 1½ роты пѣхоты и взвода (3-го эск.) Харьковцевъ—другой съ Майоромъ Штернбергомъ—на г. Бѣлгорай. На другой день было получено извѣстie о появленiи около м. Кжешова новой шайки Чайковского. Мѣдниковъ, рассчитавъ, что высланные имъ отряды не успѣютъ соединиться до встрѣчи съ Чаховскимъ, въ ночь на 8 марта выслалъ третiй отрядъ съ Майоромъ Владимировымъ (1 рота, взводъ Харьковцевъ (3-го эск.) 30 казаковъ, столько-же объѣздчиковъ). Съ этимъ отрядомъ, посадивъ пѣхоту на подводы, пошелъ форсированнымъ маршемъ и самъ Мѣдниковъ. Капитанъ Завадскiй, узнавъ въ Хорасюкахъ, что мятежники, разграбивъ казну соляного магазина въ Кжешовѣ, перешли оттуда въ Наклинъ, пошелъ далѣе и остановился на ночлегъ въ 6 верстахъ отъ бивака мятежниковъ. На другой день, 8 марта, его отрядъ, выступивъ въ 4 часа утра, не нашелъ уже банды на мѣстѣ—она перешла въ лѣса между дд. Едлинскою и Бицею. Завадскiй направился за нею и былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ цѣпи повстанцевъ, занявшихъ опушку, а изъ лѣсу начали показываться значительныя толпы пѣхоты. Во избѣжанiи потерь, располагая малыми силами, Завадскiй отступилъ въ д. Потокъ съ цѣлью выждать тамъ прибытiя Штернберга, находившагося тогда въ Тарногородѣ.

Между тѣмъ Мѣдниковъ, узнавъ въ Хорасюкахъ о принятomъ шайкою направлении, поспѣшилъ на помощь къ Завадскому. Соединившись, отряды пошли по пятамъ отступавшей предъ ними банды и нагнали ее у д. Гвоздь-Липинскiй. Мятежники заняли позицію въ лѣсу на возвышенномъ берегу

р. Таневья, при впаденiи въ нее р. Лады. Между лѣсомъ и берегомъ лежитъ песчаная долина; рѣка въ этомъ мѣстѣ раздѣляется на три рукава, изъ конхъ чрезъ среднiй, самый широкой и глубокой, перекинутъ былъ мостъ, другiе два легко переходимы въ бродъ. Въ виду приближенiя нашихъ войскъ, мятежники стали разбирать мостъ. Мѣдниковъ, не теряя времени, послалъ всѣхъ уланъ и объѣздчиковъ. Они, поддерживаемые слѣдовавшею за ними бѣгомъ пѣхотою, быстро бросились къ рѣкѣ, перешли оба крайнiе рукава въ бродъ, а среднiй частью вплавъ, частью по неразобраннымъ еще доскамъ и стремительно атаковали повстанцевъ. Преслѣдуя опрокинутыхъ польскихъ всадниковъ, наши кавалеристы неосторожно подскакали къ лѣсу, и были встрѣчены штурцернымъ огнемъ. Сбѣжавшись, они повернули назадъ и увлекли за собою бывшихъ уже на той сторонѣ стрѣлковъ. Повстанцы снова заняли берегъ рѣки и открыли учащенную пальбу. Перестрѣлка продолжалась 3 часа. Потерпѣвъ большой уронъ, повстанцы снялись съ позицiи и отступили въ лѣсъ; отрядъ нашъ перешелъ рѣку и безъ труда занялъ его, прогнавъ повстанцевъ. Дѣло продолжалось 6 часовъ. Мѣдниковъ отвелъ отрядъ на ночлегъ въ д. Гвоздь-Липинскiй, гдѣ къ нему присоединился Штернбергъ.

На другой день Завадскiй и Владимировъ, перейдя р. Таневью, двинулись по слѣдамъ мятежниковъ къ Цюславинскому лѣсу. Штернбергъ-же былъ посланъ къ Гутѣ Кжешовской, чтобъ отрѣзать бандѣ путь отступленiя къ границѣ. При входѣ въ лѣсъ казаки замѣтили въ немъ никеты повстанцевъ, и не успѣлъ нашъ отрядъ выстроить боевого порядка, какъ по немъ со всѣхъ сторонъ была открыта частая пальба. Оказалось, что, пользуясь густотою лѣса, поляки устроили здѣсь засѣку и, пропустивъ войска, атаковали ихъ съ трехъ сторонъ. Неусо замаскированные чащею, они долго не обнаруживали, гдѣ ихъ главныя силы. И только настойчивыя, часто повторяемыя атаки пѣхоты—обнаружили ихъ за не-

большою возвышенностью. Завязался упорный бой, продолжавшийся съ 10 до 3-хъ часовъ и окончившійся отступленіемъ инсургентовъ въ сторону, гдѣ былъ Штернбергъ. Замѣтивъ его и давъ нѣсколько выстрѣловъ, они поспѣшно бросились къ границѣ, но перешли ее только въ числѣ 160 человекъ,—часть ихъ разбѣжалась до перехода ея. Около 200 человекъ остались убитыми въ лѣсу; убитъ былъ Чаховскій и его «начальникъ штаба» Капитанъ Заранскій. У насъ убито было 10 и ранено 18 человекъ нижнихъ чиновъ. Въ числѣ пѣхотныхъ было много офицеровъ австрійскихъ, считавшихся въ отпуску¹⁾. Повстанцы захватили одного Харьковскаго улана (рядовой Василій Вовчекъ), его считали погибшимъ, но впоследствии онъ былъ отбитъ невредимымъ.

Полуэскадронъ Харьковскаго полка (4-го эск.) участвовалъ 12 марта въ отрядѣ Маіора Оголина при разбитіи банды Лелевеля (псевдонимъ—варшавскій колодезникъ Мартынъ Бореловскій) силою въ 600 человекъ при м. Краснобродѣ. Харьковскіе уланы отняли въ этомъ дѣлѣ одно орудіе, при чемъ былъ раненъ Поручикъ Фрабеліусъ и два рядовыхъ. Въ числѣ пѣхотныхъ была взята одна дѣвушка, легко раненая въ грудь²⁾. Въ бандахъ не рѣдко находились отважныя представительницы прекраснаго пола, раздѣлявшія труды и опасности своихъ вздыхателей.

4-го апрѣля остатки банды Лелевеля, разбитой Оголинымъ, были настигнуты отрядомъ Маіора Штернберга, въ которомъ былъ полуэскадронъ Харьковцевъ. Столкновение произошло среди болотъ и трясины Боровскаго лѣса на р. Черной, и банда, силою около 350 человекъ, понесла рѣшительное пораженіе. Но окончательно шайка Лелевеля была истреблена 12 апрѣля при м. Юзефово отрядами Полковника Толманова и Маіора Оголина, въ этомъ участіе принимали и два взвода Харьковцевъ.

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 861.

²⁾ Ibidem. Дневникъ 1863 г.

Въ среднихъ числахъ апрѣля на югѣ Яновскаго уѣзда появилась значительная банда мятежниковъ, вышедшая вполне сформированною изъ Галиціи. Въ Яновѣ было дано знать, что въ верстахъ 40 отъ него, въ лѣсахъ при д. Боровые Млыны расположилась эта громадная банда подъ предводительствомъ Іезеранскаго. Полковникъ Мѣдниковъ, не зная еще точно силъ инсургентовъ, выслалъ Маіора Штернберга съ отрядомъ въ составѣ баталіона пѣхоты, 2-хъ орудій, взвода (2-го эск.) Харьковскихъ уланъ подъ командою Ротмистра Антулаева, взвода казаковъ и полсотни пограничной стражи. 14 апрѣля въ 8 часовъ вечера отрядъ выступилъ въ экспедицію. Безостановочно шелъ онъ до самаго разсвѣта. Въ д. Боровые Млыны отрядъ добрался лишь на третій день. Убійственные болотистыя дороги, испорченные къ тому-же дождями, сильно замедляли движеніе и очень томили людей, лошадей, такъ что Штернбергъ долженъ былъ дать своему отряду двухдневный отдыхъ въ д. Б. Млыны, расположенной на краю большого казеннаго лѣса, въ 7-ми верстахъ отъ австрійской границы. О повстанцахъ ничего достовернаго не было слышно, неизвѣстно было въ какой именно части лѣса расположились они. Поэтому Штернбергъ рѣшилъ (19-го) идти въ Муховской лѣсъ наудачу. Во время движенія отряда по лѣсу, передовыя казаки дали знать, что на границѣ видны повстанцы. Черезъ весь лѣсъ проходила просѣка шириною въ 5 сажень—она и составляла границу между двумя имперіями. Когда нашъ отрядъ вышелъ на одну небольшую полянку, то на границѣ дѣйствительно увидѣлъ группу всадниковъ въ австрійскихъ военныхъ мундирахъ и при нихъ конвой венгерскихъ гусаръ; ихъ-то казаки и приняли за инсургентовъ. Это былъ австрійскій генералъ, выѣхавшій на встрѣчу нашимъ войскамъ. Отрядъ остановился на полянѣ, пѣхота составила ружья въ козлы, кавалеристы слѣзли съ лошадей. Съ разрѣшенія Штернберга австрійцы обходили ряды и съ большимъ любопытствомъ осматривали снаряженіе на-

шихъ солдатъ, съ особеннымъ вниманіемъ отнеслись они къ уланамъ. Австрійскій генералъ напелъ ихъ коней слишкомъ жирными и непригодными къ легкой кавалерійской службѣ. (Съ большимъ недоумѣніемъ и порицаніемъ отнеслись австрійцы къ тому, что въ нашемъ отрядѣ, силою болѣе тысячи человекъ, не было ни доктора, ни фельдшера, ни медикаментовъ, а перевязочныхъ средствъ всего лишь на 15 человекъ. Такъ-то исполнялись приказы! Генералъ возмущался такою небрежностью и любезно просилъ Штернберга передать нашихъ раненыхъ въ австрійскій лазаретъ, если таковые будутъ въ предстоящемъ дѣлѣ съ поляками. Штернбергъ въ свою очередь обратился къ австрійцамъ съ просьбою указать мѣсто расположенія банды, но они отозвались полнымъ невѣдѣніемъ. А между тѣмъ, банда Іезеранскаго формировалась въ Галиціи, и австрійскія власти не оказывали ей ни малѣйшаго пренія. Какъ было узвано послѣ, генералъ не только зналъ, гдѣ расположился Іезеранскій, но даже утромъ того дня завтракалъ у него на бивакѣ со своимъ штабомъ.

Постоявъ нѣкоторое время на полянѣ, отрядъ потянулъ далѣе вдоль границы. Скоро казаки наткнулись на цѣнь стрѣлковъ, давшую по нимъ залпъ. Пѣхота наша разсыпалась по болотистому лѣсу, извѣстному подъ именемъ Кобылянки, и выстрѣлы затрещали. Орудія по тѣснотѣ могли дѣйствовать только въ одно. Уланамъ нечего было дѣлать. Въ избѣжаніе напрасныхъ потерь, взводъ перешелъ въ австрійскій лѣсъ, слѣзъ съ лошадей и прикрывъ деревьями. На проѣктѣ осталось въ бездѣйствіи одно орудіе и столпились бывшія при отрядѣ подводы. Онѣ несли порядочный уронъ. Перестрѣлка продолжалась около 5 часовъ. Потерявъ 20 человекъ убитыми и 40 ранеными, Штернбергъ вынужденъ былъ отступить: онъ ничего не могъ подѣлать съ Іезеранскимъ, силы котораго въ нѣсколько разъ превосходили наши. Австрійцы все время стояли позади и ожидали результата тычки. Когда мы отступали, на лицахъ у нихъ блуждали изумлен-

ныя улыбки, но тѣмъ не менѣе, они прелюбезно и заботливо забрали нашихъ раненыхъ въ свой лазаретъ¹⁾.

Отступивъ въ д. Б. Млыны, Штернбергъ послалъ донесеніе въ Люблинъ, прося помощи. Г.-М. Хрущовъ, начальникъ отдѣла, приказалъ усилить Штернберга войсками изъ Янова и Томашева. Въ числѣ прибывшихъ отрядовъ былъ взводъ Харьковцевъ подъ командою Поручика Левицкаго. Подъ командою Полковника Мѣднікова, прибывшаго изъ Янова, сосредоточилось: Архангелогородскій пѣхотный полкъ, 5-й стрѣлковый баталіонъ, 6 орудій, полуэскадронъ уланъ, около сотни казаковъ и полсотки объѣзчиковъ.

Бой возобновился въ томъ же лѣсу. Уланы не приняли въ немъ участія, съ отрядомъ не пошли, а стали въ виду лѣса на открытомъ полѣ. Мѣдніковъ предполагалъ отбросить повстанцевъ въ ихъ сторону, коихъ они и должны были принять атакою. Въ 10 часовъ утра раздался первый выстрѣлъ и пошелъ раскатомъ по лѣсу, повторясь безконечное число разъ, пока не замеръ вдали. Все чаще и чаще стали повторяться они и слились, наконецъ, въ одинъ общій гулъ, изъ него выдѣлялись только орудійные выстрѣлы, покрывая собою ружейные. Съ 10 часовъ утра до 7—вечера продолжалась пальба. Казалось, что въ лѣсу какіе-то гиганты ломаютъ деревья. Напрасно уланы стояли въ ожиданіи повстанцевъ—они перешли австрійскую границу. Мимо ихъ только въ началѣ боя стрѣлой проносились дикія козы и зайцы да съ крикомъ летѣли изъ лѣса пернатые его обитатели, пробирались лисицы, ошеломленные отъ страха и не понимавшія что это такое могло твориться въ ихъ лѣсу, стоявшимъ всегда такимъ спокойнымъ.

Отрядъ нашъ въ этотъ день потерялъ 100 человекъ убитыми и ранеными. Банда Іезеранскаго все-таки не была разбита; она потеряла много убитыми, но сколько—неизвѣстно, показываютъ около 500 человекъ. Плѣнныхъ не было, наши озлоб-

¹⁾ Рассказъ Г.-М. Антулаева и Воен. Уч. арх. I, № 861.

ленные солдаты ихъ брать не хотѣли... Мѣдниковъ на ночлегъ отвелъ свой отрядъ къ Б. Млынамъ. Черезъ нѣсколько дней банда снова перешла границу, и отрядъ нашъ, слѣдовавшій все время за нею, настигнулъ ее на нашей сторонѣ за ужиномъ. Послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ повстанцы поспѣшно ретировались за границу снова ¹⁾.

Приведенныхъ разсказовъ вполне достаточно, чтобы составить понятіе объ образѣ дѣйствій и, вообще, о характерѣ этой партизанской войны. Подобныя экспедиціи въ Люблинскомъ отдѣлѣ продолжались въ теченіи всего года, и Харьковскіе уланы во всѣхъ нихъ принимали участіе. Не входя въ подробное описаніе, приведемъ здѣсь только краткій обзоръ экспедицій, чтобы только не терять исторической послѣдовательности.

6-го мая 4-й эск. участвовалъ при пораженіи соединенныхъ бандъ Червинскаго и Лелевеля при м. Тышавцѣ, а 7-го полуэскадронъ 2-го эскадрона и весь 4-й—находились при окончательномъ разбитіи тѣхъ-же бандъ въ Старовесскомъ лѣсу.

19-го полуэскадронъ (2-го)—въ отрядѣ Подполковника Ракузы въ Хрусталинскихъ лѣсахъ при м. Юзефова въ дѣлѣ съ вновь набранною шайкой Лелевеля.

Послѣ уничтоженія этой шайки въ южной части Люблин. губ. въ продолженіи долгаго времени все было спокойно.

Въ іюнѣ не было значительныхъ стычекъ; шайки бродили, большею частью, мелкими конными партіями, смѣло нападая на одиночныхъ людей и на небольшіе наши разѣзды и быстро уходя при появленіи значительныхъ силъ ²⁾.

Въ началѣ іюля шайки появились въ южной части Люблинской губ. Не смотря на то, что онѣ были нѣсколько разъ разбиты отрядами изъ Красностава и Янова, онѣ увеличивались въ своемъ составѣ и пробрались, наконецъ, въ среднія

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Воен. Учен. арх. I, № 861.

части губерніи, гдѣ въ концѣ іюля въ числѣ 5 тысячъ сдѣлали въ Жиржинскомъ лѣсу нападеніе на транспортъ, слѣдовавшій въ Люблинъ ¹⁾.

Въ 20 верстахъ отъ Красностава въ среднихъ числахъ іюля появились шайки Яковскаго и Зелинскаго. Противъ нихъ (17-го) выступилъ отрядъ изъ Холма Майора Бюхнера и Полковника Баумгартена изъ Красностава. Отряды эти у д. Ченстоборовицы нанесли шайкамъ жестокое пораженіе (18) и въ тотъ-же день разбили еще другую партію, сплюю въ 800 человекъ, Гжималы (Grzymalo) и Ангельгардта.

12-го августа отрядамъ Полковника Эманова (4-й эск.) изъ Янова и Подполковника Саллогуба удалось окружить банды Руцкаго (онъ служилъ въ 1849 году подъ начальствомъ Г. Бема, его партія состояла изъ однихъ «хлоповъ»), Крысинскаго, Вагнера и Цвѣка подъ общимъ начальствомъ Барука (псевдонимъ—офицеръ нашего генеральнаго штаба—Гейденрейхъ) въ Файславицкомъ лѣсу. Численность этихъ соединенныхъ шайкъ простиралась до 2 тысячъ. Наши отряды окружили банды и совершенно ихъ разбили; повстанцы понесли страшныя потери—ушелъ только Крукъ и не болѣе 20 человекъ. Убито и ранено было около тысячи, взято въ плѣнъ 680 человекъ ²⁾. Побѣдителямъ досталось болѣе 500 хорошихъ штуцеровъ. Съ нашей стороны было убито лишь 4 нижнихъ чина и въ числѣ ихъ вахмистръ 4-го эск. Матвей Блохинъ. Три уланы, отличившіе себя храбростью (сунт.-офиц. Борисовъ, ряд. Яровенко и Троценко), награждены были георгиевскими крестами.

25 августа полуэскадронъ (3-го) участвовалъ при пораженіи соединенныхъ шайкъ Лелевеля, Цвѣка и Валигурскаго (полковникъ шведской службы) при д. Батажи въ отрядѣ Подполковника Юлишина.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

Въ теченіи всего сентября въ Люблинской губ. было совершенно тихо, шайки не показывались, только на югъ ея бродили жандармы-вѣшатели. Въ октябрѣ-же появилось очень много небольшихъ партій, которыя въ городахъ и мѣстечкахъ грабили жителей, собирали подати и вербовали людей въ шайки. Замѣчательно, что нѣкоторыя шайки состояли исключительно изъ иностранцевъ, не говорившихъ даже попольски ¹⁾).

Въ юго-западной части Люблинской губ. въ среднихъ числахъ октября появилось много бандъ. 21-го 3-й эскадронъ въ отрядѣ Полковника Эманова имѣлъ дѣло при д. Малодутинѣ, потомъ подѣ Хелмомъ и въ самомъ городѣ съ конною партіею Вежбицкаго. Въ стычкѣ этой Штабс-Ротмистръ Харьковскаго полка Якимовичъ получилъ тяжелыя раны, отъ которыхъ вскорѣ и умеръ; раненъ былъ также и 1 уланъ. Потери мятежниковъ были значительныя, убитъ и самъ ихъ предводитель Вежбицкій.

Въ теченіи ноября была только одна экспедиція, въ которой участвовалъ 3-й эскадронъ въ отрядѣ Подполковника Антушевича. Столкновеніе его отряда съ соединенными бандами (Линевскаго, Козловскаго, Лютынскаго, Морецкаго и Шидловскаго) произошло 27 ноября близъ д. Воля Корбутовская. Дѣло окончилось пораженіемъ мятежниковъ.

Между тѣмъ, возстаніе видимо стало утихать. Столько понесенныхъ пораженій ослабило силы повстанцевъ, показало все безразсудство возстанія и охладило у поляковъ охоту поступать въ банды. Жондъ-же еще не сдавался, и его постановленія продолжали быть пугаломъ для жителей.

Въ декабрѣ войска наши, розыскивая остатки разбитыхъ бандъ, ходили по губерніи и съ военно-административными цѣлями. Крестьяне, не смотря на то, что возстаніе уже подавлялось, все еще не рѣшались открыто выступить его противниками изъ страха предѣ мстителями. Желая осмѣлить крестьянъ, г. Хрущевъ завелъ сельскіе стражи и караулы

¹⁾ Ibidem.

и приказалъ разставить по деревнямъ небольшія команды войскъ. На обязанность сельскихъ карауловъ Хрущевъ возложилъ наблюденіе за окрестностями и сообщеніе о появленіи бандъ. Для этой цѣли въ деревняхъ должны были быть всегда наготовѣ верховыя лошади и подводы для перевозки войскъ ¹⁾. Всѣ эти распоряженія, на ряду съ другими, чисто административными, имѣли благое результаты.

Къ концу года вооруженнаго возстанія собственно уже не существовало, остались только мелкія разбойничія партіи, доудцамъ которыхъ, скомпрометированнымъ предѣ властью, нельзя уже было безнаказанно сложить оружіе. Они, прикрываясь патріотизмомъ, продолжали скрываться въ лѣсахъ и только грабили своихъ и чужихъ. Къ тому-же сильная стужа и морозы, стоявшіе въ зиму 1863—1864 годовъ, не мало также охладили повстанцевъ и дѣлали положеніе ихъ безвыходнымъ въ лѣсистыхъ дебряхъ безъ крова и пищи, такъ какъ трудно уже было имъ добывать провіантъ по деревнямъ.

Въ декабрѣ была только одна экспедиція, въ которой участвовалъ полугэскадронъ (3-го) въ составѣ отряда Подполковника Гейнса, преслѣдовавшаго шайки Линевскаго и Шидловскаго. 19-го произошла кавалерійская стычка, окончившаяся пораженіемъ банды при д. Кошына ¹⁾.

Въ началѣ 1864 года продолжали случаться незначительныя столкновенія съ небольшими партіями мятежниковъ. Въ теченіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ было всего лишь 7 экспедицій, въ коихъ принимали участіе Харьковцы. Въ одной изъ нихъ былъ смертельно раненъ рядовой (4 эск.) Матвей Емельяновъ и ранено 2 лошади ²⁾.

Въ теченіи февраля наши отряды открывали въ губерніи склады оружія и задерживали бродягъ. Въ мартѣ дѣйствія отрядовъ ограничивались почти исключительно военно-административными цѣлями. Послѣ обнародованія Высочайшаго

¹⁾ Полк. формуляръ.

²⁾ Прик. по пол.

указа о надѣлѣ крестьянамъ земли, они выразили свою благодарность въ необыкновенно энергичномъ содѣйствіи властямъ въ очищеніи края отъ отдѣльныхъ бродягъ, до которыхъ растаяли уже всѣ банды повстанцевъ. 1-го марта въ Красноставѣ были собраны крестьяне окрестныхъ деревень для объявленія имъ Высочайшаго указа. По этому случаю былъ назначенъ церковный парадъ, и въ немъ приняли участіе всѣ войска Красноставскаго отдѣла. Для объявленія же указа по уѣзду были отпавляемы отдѣльныя команды¹⁾.

Въ июнѣ сдѣлана была послѣдняя одновременная облава по Красноставскому уѣзду. Для этой цѣли было назначено 4 отряда пѣхоты и къ каждому изъ нихъ была присоединена команда Харьковскихъ уланъ при офицерѣ²⁾. И только послѣ этой облавы войска нашли возможнымъ уменьшить мѣры охраненія, что такъ утомляло ихъ.

Возстаніе, такимъ образомъ, было подавлено, порядокъ въ краѣ водворенъ. Государь Императоръ Высочайшимъ приказомъ (19 апр. 1864 г.) объявилъ свою благодарность всѣмъ офицерамъ, честно и усердно исполнившимъ долгъ службы и присяги. Почти всѣ офицеры Харьковскаго полка получили награды за дѣла противъ мятежниковъ. Полковникъ Баумгартенъ былъ награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость» (за дѣло 18 июля при с. Ченстоборовицы), Подполковникъ Рынской, успѣшно командовавшій отрядами, — орденомъ св. Анны 1 степени; 13 офицеровъ получили тотъ же орденъ 4 степ., на сабли съ надписью «за храбрость», 10 — св. Анны 3 ст., 4 — св. Станислава 3 ст., 1 — 2-ой ст.; 4 человека были произведены за отличіе въ слѣдующіе чины, а 1 унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся (Гиллеръ) — въ корнеты. 32 уланы были награждены знаками Отличія Военнаго Ордена 4-ой степени. Между нижними чинами, участниками отбитія у повстанцевъ вещей и лошадей, за все время

¹⁾ Ibidem, 1864 г., № 51.

²⁾ Ibidem № 179.

усмиренія возстанія было раздѣлено 745 р. 32 к., вырученныхъ отъ продажи ихъ съ аукціоннаго торга¹⁾.

Въ память усмиренія польскаго возстанія 1863—1864 годовъ всѣмъ участникамъ въ немъ была пожалована бронзовая медаль для ношенія на груди на лентѣ государственныхъ цвѣтовъ. Въ продолженіи всего пребыванія полка въ краѣ, схваченномъ пламенемъ мятежа, Харьковскіе уланы выказали себя на высотѣ своего призванія. Даже многіе изъ нихъ, поляки родомъ, оставались среди великихъ соблазновъ непоколебимо вѣрными присягѣ.

Что побудило этого несчастнаго къ измѣнѣ, такъ обыкновенно не свойственной русскому человѣку? Не погнала-ли его въ банду любовь къ какой-либо польской красавицѣ, которыми такъ славится Люблинская губ.; женщины-же Бѣлгорайскаго ея уѣзда знамениты своею красотою и привлекательностью во всей Польшѣ, вообще не бѣдной красивыми лицами. Харьковцы, бывая въ экспедиціяхъ, не разъ проходили по тѣмъ мѣстамъ, обитателей которыхъ Богъ одарилъ такою красотою. Кто знаетъ, можетъ быть, сердце русскаго солдата и было покорено румянной, стройной и миловидной бѣлгорайкой! «Любови всѣ возрасты покорны», только, къ несчастью, порывы ея на этотъ разъ не были благотворны. Красота полекъ вдохновила Гейне до такого восторженнаго описанія: «На колѣни! или по меньшей мѣрѣ шапки долой! Я говорю о женщинахъ Польши. Духъ мой рыщетъ по бере-

¹⁾ Прик. по пол. 1863—64 г.г.

гамъ Ганга и отыскиваетъ нѣжныя и прелестныя цвѣты, чтобы сравнить ихъ съ ними. Но что въ сравненіи съ этими прелестями всѣ чара маллики, кувалай, одаши, цвѣтовъ на-гакезара и святого лотоса! Будь у меня кисть Рафаэля, мелодія Моцарта и языкъ Кальдерона, я, пожалуй, могъ-бы еще вколовать вамъ въ сердце тѣ чувства, которыя обуяли-бы васъ, если-бы предъ вашими благословенными глазами предстала живая полка—Афродита Вислы. Но что всѣ эти красочные кляксы Рафаэля предъ этими иконами красоты, которыя создалъ живой Богъ! ¹⁾».

Ни одинъ полякъ пошелъ въ лѣса лишь только потому, что того требовала его «коханка»; а женщины Польши всегда отличались своимъ горячимъ патріотизмомъ. Въ чести ихъ надо сказать, что, пользуясь своимъ громаднымъ влияніемъ и играя видную роль въ семьѣ и государствѣ, патріотизмъ ихъ былъ всегда нескрѣпленный и неподкупный, въ чемъ такъ грѣшили представители непрекрасной половины націи.

Единственный этотъ случай измѣны, какъ онъ не прескорбенъ, совершенно теряется въ массѣ военныхъ и нравственныхъ подвиговъ, кои являли собою чины полка своимъ безукоризненнымъ поведеніемъ. 1864 годъ выдѣляется числомъ побѣдъ нижнихъ чиновъ и бывшихъ подъ судомъ изъ другихъ, до и послѣ его; но и въ этомъ году случаевъ побѣдъ было только 13 на весь полкъ, а бывшихъ подъ судомъ полковымъ и другими за мелкіе проступки и незначи-

¹⁾ Сочиненіе I, 198.

тельныя нарушенія дисциплины всего 17. Числа эти слишкомъ ничтожны, если взять во вниманіе благопріятное время общихъ безпорядковъ въ краѣ, когда нижніе чины, посылаемые въ разбѣды и разставленные мелкими командами по деревнямъ, на долго ускользали съ глазъ начальства ¹⁾).

Не смотря на частыя экспедиціи, форсированные марши въ самое суровое время года, изъ полка пришлось исключить только 28 лошадей, запаленныхъ и разбитыхъ на ноги. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ нихъ были замѣнены, безъ убытка для казны, отобранными у помѣщиковъ, кои они приготавливали для инсургентовъ ²⁾. Почти половина всѣхъ подлежащихъ браку лошадей пришлось на долю 3-го эскадрона. Это дало поводъ Полковнику Баумгартену заключить, что въ томъ эскадронѣ не было должной заботливости о содержаніи казенныхъ лошадей. За подобное нерадѣніе командиръ эскадрона Майоръ Якимовичъ получилъ должное внушеніе съ угрозою отрѣшиться его отъ командованія ³⁾.

29 апрѣля 1865 года полкъ покинулъ Красноставъ и направился на вновь назначенную ему квартиру въ г. Кременчугъ Полтавской губ., куда и прибылъ 24 іюня, совершивъ очень большой походъ. При выходѣ изъ Красностава, гдѣ онъ, никому не причиняя обидъ, простоялъ почти 5 лѣтъ, за полкомъ бѣжали уличные мальчишки, именуемые въ Царствѣ Польскомъ «лобузами», и кричали «Narodowa sprawa wygrypa moskalej wypędzili do domu» (народное дѣло выиграно—москалей выгнали домой), являясь, конечно, отголоскомъ населенія.

Въ 1863 году, по смерти шефа—Принца Фридриха Прусскаго,—полкъ нѣкоторое время носилъ названіе «Харьковскій Уланскій», потомъ, послѣ общей нумерации полковъ (1864 г. 25 мая), «4-й Уланскій Харьковскій», а 23 апрѣля того-же

¹⁾ Прик. по пол.

²⁾ Ibidem 1864 г., № 21.

³⁾ Ibidem.

года Харьковцы имѣли счастье получить новаго Августѣйшаго шефа въ лицѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны, Супруги Великаго Князя Николая Николаевича, въ томъ-же году (15 августа) назначеннаго генераль-инспекторомъ кавалеріи. (Съ этого времени наша кавалерія получила единство управления, принесшее ей несомнѣнную пользу. Великій Князь, превосходный кавалеристъ и ѣздокъ, равнаго котораго тогда не было, всею душою былъ преданъ своему дѣлу). Съ назначеніемъ новаго шефа полкъ сталъ именоваться «4 уланскій Харьковскій Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны полкъ». Имя это съ перемѣною лишь № 4 на № 11 и «уланскій» на «драгунскій» полкъ съ честью носить до нашего времени.

Въ Полтавской губ. Харьковцы простояли до 1875 года. Въ періодъ этотъ они отбыли три царскихъ смотра (1867, 1869 и 1872 гг.) и въ каждый удостоивались Высочайшаго благоволенія. Изъ Кременчуга полкъ перешелъ въ г. Слонимъ Гродненской губ., войдя въ составъ 4-й кавалерійской дивизіи (Екатеринославскій драгунскій, Харьковскій уланскій, Мариупольскій гусарскій и казачій Донской № 4 полка), въ коей находится и понынѣ.

Послѣ Баумгартена командиромъ полка былъ назначенъ Полковникъ Притвицъ; но отъ этого назначенія онъ почему-то посѣбшилъ отказаться, и Баумгартенъ сдалъ полкъ Полковнику Чернову (1866 г. 27 сентября), который въ полку чрезъ три года и умеръ. Новый командиръ Полковникъ и Флигель-Адъютантъ Его Императорскаго Величества Николай Евстафьевичъ гр. Ниродъ происходилъ изъ дворянъ Эстляндской губ. Воспитаніе онъ получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, откуда (1855 г.) вышелъ въ Кирасирскій полкъ и чрезъ 15 лѣтъ, на 34 году жизни, Высочайшимъ приказомъ (отъ 28 января 1870 г.) былъ назначенъ командиромъ Харьковскаго полка. Гр. Ниродъ отличался необыкновенною добро-

тою и изысканною любезностью—это былъ джентльменъ въ полномъ и лучшемъ значеніи этого слова. Добрая память о немъ живетъ въ полку, и Харьковцы его вспоминаютъ съ любовью. Послѣ назначенія своего командиромъ Л.-Гв. Кирасирскаго Его Величества полка Г.-М. гр. Ниродъ (нынѣ уже умершій) сдалъ въ 1875 году полкъ Полковнику Виктору Ивановичу Эртелю, коренному офицеру Харьковскаго полка: въ полку онъ началъ службу, командовалъ эскадрономъ, дивизіономъ; нѣкоторое время былъ начальникомъ Тверского юнкерскаго училища.